

Часть 2

ВОСТОК И ЗАПАД В СОЦИАЛЬНОЙ ЭВОЛЮЦИИ

Глава 5. Макроэволюция и Восток

Раздел I. Протовосток и первичные цивилизации

1. О понятиях «Восток» и «Запад» в рамках этого исследования

Понятие «Восток», несмотря на его широчайшее использование, всегда вызывает трудности, даже если оно не несет никаких особых коннотаций. Как указывает редколлегия серии «История Востока» в шести томах в Предисловии (2000а: 6), выбор Востока в качестве самостоятельного объекта региональной истории может вызвать сомнения (добавим, что то же относится и к объекту сравнительных исследований, и к философско-социологическим изысканиям). Вслед за редакторами и авторами данной серии мы также будем считать «Востоком» «территорию азиатских и североафриканских стран». Таково традиционное определение «Востока» в классической западноевропейской науке, которое постепенно закрепилось также и в нашей стране и выразилось в комплексе наук «востоковедение» (Там же).

Конечно, нельзя не учитывать, что в результате колониальных захватов, Европе (Западу) стали противостоять не только восточные (азиатские) страны, но и культуры других материков (Америки, Африки, Австралии и Океании). С другой стороны, уже к концу XVIII века, то есть к окончанию Великих географических открытий также стало ясно, что по уровню развитости Мир-Система делится не только, а может быть и не столько на Запад и Восток, сколько на Север и Юг (какое деление стало очень популярным с последней трети XX века¹). Также верно, что понятие Запад изменилось не только за счет развития английских белых колоний, но и за счет того, что некоторые восточные общества современности (Япония, Южная Корея и некоторые другие) достигли уровня Запада и фактически принадлежат ему. Однако они все же не потеряли полностью своей восточной специфики. Можно согласиться, что сегодня логично рассматривать дихотомию Запада и неЗапада (остального мира; *the West and the Rest*). И мы так поступаем, анализируя процесс великой конвергенции в главе 15. И все же понятие Востока не утратило своего значения. И это касается не только древней и средневековой истории, но и современности. В Экскурсе 5 «Динамика ценностей и модернизация: западная и восточная макрзоны» показываются в частности общие позиции в отношении ценностей, которые хотя и относятся в целом к незападному миру, но прежде всего характерны для стран Азии и Северной Африки. Что же касается основной части истории, то при всех различиях ближневосточной, дальневосточной и южноазиатской цивилизаций (как основных цивилизаций Азии, сложившихся на стыке конца первого тыс. до н. и начала н.э.), между ними есть и серьезные сходства, а также прочные связи, которые прослеживаются далеко вглубь истории (мы исследовали эти аспекты в своих работах: Гринин, Коротаев 2009, 2016; Зинькина и др. 2016; Korotayev, Zinkina 2017; Zinkina *et al.* 2019).

---

¹ Кстати, может быть, и неслучайно с этого времени, т. к. это начало уже зримой Великой конвергенции, о которой пойдет речь в главах 6 и 15.

Но так или иначе, мы согласны, что относительная целостность Востока как социально-исторического региона – одна из самых главных (Предисловие 2000а: 7), так же как с тем, что востоковедение с момента своего возникновения пытается отыскать объективное, действенное, отвечающее исторической правде соотношение между общечеловеческим и специфическим в истории народов и стран Востока (там же). Мы во многих работах стремились это сделать на уровне теории исторического процесса и сравнительной антропологии (Гринин 2010–2011; Гринин, Коротаев 2009; 2012; 2016; Grinin, Korotayev 2015). Теперь мы надеемся, что сможем продвинуться в этом плане на уровне социальной эволюции в целом.

Можно согласиться с мнением, что типологическая специфика (различный характер государства, права, собственности и т.п.) не возникает на пустом месте, а формируется в ходе длительной исторической эволюции и является равнодействующей как неких генетически заложенных цивилизационных черт, так и темпа, ритма и стадии социального развития (Предисловие 2000: 8). Но с точки зрения теории исторического процесса и социальной эволюции, во-первых типологические отличия характеризуют общества одной стадии развития (некорректно сравнивать типы обществ разностадиальных). И в этом смысле трудно согласиться со всякими попытками представить до XV–XVI вв. новой эры (то есть до раннего модерна) европейские общества как стадиально более развитые, чем восточные (что характерно для работ таких крупных отечественных исследователей в частности как Ю. И. Семенов и Л. С. Васильев, а также и ряда других)². Это ни в коем мере не так. Напротив, восточные общества, особенно Китай значительно обгонял Европу в течение первой половины средневековья.

Во-вторых, типологические отличия есть важнейший атрибут социальной эволюции, которая (как и всякая эволюция) многолинейна, а конкуренция и взаимодействие разных вариантов является мощным механизмом развития в социальной эволюции³. В-третьих, генетические черты изначально не берутся ниоткуда, а первичный социально-цивилизационный «код» реализуется на основе уникального сложения различных факторов (см. главы 1 и 2), и если эти факторы достаточно устойчивы, то передается наследующим обществам. Наконец, в-четвертых, и с точки зрения социальной эволюции это исключительно важно, «генетический код» обществ и цивилизаций, а проще говоря, характерные и устойчивые их черты формируются особенно на основе особенностей природного и социального окружения, и от того роль географического фактора исключительно велика. Ниже мы постараемся показать, как географический фактор играл свою роль и в

² Это сводится к тому, чтобы представить, что Восток между первобытностью и переходом к капитализму в XIX–XX вв. прошел всего одну формацию (как бы ее ни называть политарной, азиатским способом производства или иначе), в то время как Европа античную и феодальную, а также в значительной мере и капиталистическую. Все это наследие того, что понятие формация в марксизме употреблялось и для общечеловеческих этапов, и для стадий отдельного общества, а также того, что марксистская доктрина не предусматривала типов внутри общечеловеческих формаций (подробнее критика этого см. Гринин 2006, 2009, 2016, 2018; Grinin 2019). Отсюда все еще слышны отголоски идей восточного, кочевого и прочего феодализма. Очевидно, что общечеловеческая стадия не может реализоваться в отдельных регионах или обществах в своих теоретических чертах, она есть абстрактное общее, что характерно для всех или, по крайней мере, большинства типов и форм данной стадии. И если мы формацией называем общечеловеческую стадию (то ее характеристики должны в равной мере на одном уровне абстракции подходить к разным: западным и восточным, в т. ч. обществам; и в то же время конкретно, буквально не подходить ни к какому).

³ Например, Л. Б. Алаев почему-то считает, что, начиная с последних веков до н.э., общечеловеческие этапы играют меньшую роль, чем локальные (Алаев 2018: 184). До этого он вполне правильно писал, что его подход к периодизации всемирной (подчеркивая это) истории исходит из того, что субъектом мирового движения является весь знакомый нам мир, а не всякая составляющая его часть (там же: 169). Но теперь его как-то занесло, если не знать, что он писал раньше о неравномерности развития, то подумаешь, что он полагает, что до этого периода локальные этапы совпадали с общечеловеческими у всех, выпуская из вида, что прорыв вперед может быть сначала только локальным, и только потом, через сложные трансформации распространяется и на остальные общества и регионы.

первичном складывании «Востока» и в особенностях дивергенций и конвергенций Востока и Запада, которые можно проследить на протяжении тысячелетий. И, как ни тривиально это звучит, складывание первичных государств и цивилизаций в долинах крупных рек (несмотря на различия в ведении ирригационного хозяйства, о которых см. ниже) было и оставалось очень долго той характерной чертой, которая позволяла сблизить восточные общества в единое понятие. Говоря о Востоке, можно отметить, что при всех различиях восточных обществ, при сравнении с Западом однозначно можно говорить об определенном сходстве восточных обществ (цивилизаций) – обладание более производительной природной средой, позволяющей иметь более многочисленное население и больше прибавочного продукта.

История древнего Востока начинается с истории древнейших цивилизаций, чьи достижения прямо или косвенно определяют все дальнейшее развитие человечества. Именно первичным цивилизациям принадлежат те важнейшие культурные достижения человечества, которые и сделали возможным его дальнейший прогресс и в значительной степени предопределили характер этого прогресса. К числу этих достижений авторы Предисловия (2000а) относят изобретение письменности со всеми вытекающими последствиями (накопления знаний, появление слоя интеллектуалов, системы образования и т. д.); институт организованного совместного труда масс людей для создания ирригационных сооружений, храмов, городских стен и т. п., а также и организации военного дела; новые формы политической организации и общественного сознания (Предисловие 2000б: 14–16). Об этом у нас будет речь в другом месте. Но, конечно, крупнейшие достижения древневосточных обществ на этом не исчерпываются. Колоссальным был вклад древневосточных обществ в глобальное технологическое развитие. Важнейшими достижениями также являлись организация накопления и сохранения громадных богатств в разном виде, в т. ч. не только в виде продовольствия и предметов ремесла, но и в виде сокровищ, что обеспечило возможности распределения в невиданных прежде размерах общественного продукта, а также и мощнейшего роста торговли. Другим важнейшим достижением было создание новой социальной структуры общества, что позволило развить разделение труда и новые формы социальной деятельности. Наконец, древнейшие цивилизации впервые создали города и городскую жизнь, открыв процесс урбанизации (неразрывно связанную с политическими процессами, как будет показано в главе 11). И именно древнейшие цивилизации обнаружили на своем горьком опыте глубокое противоречие между культурной цивилизованной жизнью и напором древних кочевников и варварских народов. С момента появления первых цивилизаций и пролегла пропасть между цивилизацией и варварством, столкновение между которыми стало мощнейшей движущей силой социальной эволюции. Появляющиеся крупные державы и цивилизации вступают в борьбу с кочевым миром. Именно кочевники оказываются способными к объединению обширных территорий. Возникают, говоря современным языком, нации-армии. Борьба оседлых и кочевых политий, таким образом, стала одним из важнейших процессов, вокруг которых строились контуры политической карты Мир-Системы (см. об этом: глава 6; Коротаев, Гринин 2016; Grinin, Korotayev 2013; 2014b).

2. Немного о возникновении цивилизаций в рамках теории социальной эволюции

Рассмотрим теперь, каковы же стартовые условия для возникновения цивилизаций. Однако нельзя смешивать объективно необходимые условия, без которых немислимо говорить о рождении цивилизаций, те причины, которые приводят к рождению конкретных цивилизаций. Ибо далеко не все общества, у которых имелись такие объективные предпосылки, оказались способными реализоваться как цивилизации. Тут могло повлиять очень многое: от отсутствия нужного деятеля до близости к более развитым центрам.

Также не надо путать стартовые условия первичных цивилизаций, каковые должны быть **особыми, исключительными**, от стартовых условий для появления вторичных и третичных цивилизаций. Они могли уже в каких-то моментах и не быть исключительными, например в смысле изобилия и плодородия почвы. Однако исключительность требовалась уже в более цивилизационном плане, например особые условия для возникновения новой мировой религии. Здесь к месту вспомнить слова Тойнби, что «независимые цивилизации (то есть самостоятельно возникшие, а не трансформировавшиеся из более ранних. – Л. Г., А.К.) появились благодаря мутации примитивных обществ» (Тойнби 1991: 93). Мутация же означает особость и часто даже неожиданность – в смысле прежних тенденций – в развитии, иногда скачок, переход количества в качество, иногда случайное достижение, именно которого и не хватало, чтобы начался процесс. Несомненно, что «причина генезиса цивилизации кроется не в единственном факторе, а в комбинации нескольких» (Тойнби 1991: 107). Тойнби считал, что причины генезиса есть не «единая сущность, а отношение» (Тойнби 1991: 107), и, в конечном счете, это отношение есть ситуация вызова и ответа, которой он справедливо придавал большое значение. «Вызов побуждает к росту» (Тойнби 1991: 119).

Таким образом, в общем плане возникновение цивилизаций есть особый ответ обществ на возникшие проблемы. Но в каждом случае эта ситуация особая, часто неповторимая.

Стоит напомнить, что цивилизации возникли не вдруг, а между варварством и ними лежал достаточно длительный переходный период, и общества, находившиеся на этом этапе, по ряду показателей могли уже приближаться к цивилизациям. Поэтому вопрос о том, что отличает предцивилизационные образования от ранних цивилизаций, теоретически представляет собой большую проблему. Недаром Тойнби признавался, что ему «не удалось до конца раскрыть предмет настоящего исследования – различия между примитивным обществом и цивилизацией» (Тойнби 1991: 94). А некоторые исследователи, например Э. Сервис, используют понятие «архаической цивилизации», имея в виду предгосударственные и предцивилизационные образования (Service 1975: XI–XII).

Речь пойдет о стартовых условиях для появления переходных и первичных цивилизаций, которые включают в себя как материальные, так и духовные вещи. Кратко, это материальные причины изобилия, ограниченности хозяйственных территорий, большой концентрации населения, необходимости централизации и использования знаний для регулирования производства и другие. Чуть подробнее, это, во-первых, достаточное изобилие хозяйства: а) позволяющее аккумулировать большой излишек; б) открывающее простор для роста населения и хозяйственной территории; в) резко стратифицирующее общество. Ведь недаром наиболее древние цивилизации появились именно в ирригационных районах. Базой для возникновения цивилизаций могут быть и неполивные, но плодородные почвы, как в Южной и Центральной Америке (в Китае во II тыс. до н. э. земледелие также было неполивным). Таким образом особые природные (географические) условия играют на первых порах едва ли не определяющую роль. Война, которая играла исключительную роль в деле образования государств, не выполняла такой для формирования цивилизаций.

Во-вторых, надо говорить о неких центрах власти, организации масс и аккумуляции ресурсов. Таковыми могли выступать города (недаром многие исследователи ранних цивилизаций отмечают их исключительную роль), но могли также храмы, царские дворы, какие-то культурные центры. Однако очень важно отметить: эти центры должны были обладать **монополией** (или контролем) на очень важные блага и решения. Их власть, кроме того, должна была не просто опираться на принуждение, но источать необходимые уважение или сакральность, которые создают власть **подражания**, то есть достаточный престиж, чтобы быть официальным или неофициальным законодателем образа жизни.

При этом, в-третьих, носители этой власти должны были иметь какую-то корпоративную, политическую, сословную или иную организацию (систему), которая бы цементировала и порядок, и образ жизни, и главные связи в обществе. Об этом чуть позже.

В-четвертых, нужны были некие достижения в духовной сфере⁴. Прежде всего то, что явилось базой для кристаллизации идеологии: достаточно развитая система мифов и верований, чтобы можно было создавать канонизированные тексты; либо комплекс определенных этических и философских принципов, в дальнейшем складывающихся в особую религиозно-философскую или идеологически-этическую систему; а также зачатки научных знаний и практических сведений.

Необходимы были также какие-то новые и достаточно эффективные системы и формы **фиксации, передачи и хранения информации**. Наиболее удачным вариантом явилось письмо, в дальнейшем ставшее фундаментом любой перспективной цивилизации.

Правда, вопрос о происхождении письма весьма спорен. И в данном случае, как и всегда, когда пытаются обнаружить начальный этап какого-то процесса, «установить первопричину создания столь всеобъемлющего понятия, как система письма, чрезвычайно трудно» (Л. Дириингер [цит. По Истрин 1965:58]), и, быть может, надо вообще отказаться от попыток «проникновения во мрак его происхождения» (М. Коэн; там же: 58). Высказывались даже мнения, что письмо возникло в эпоху среднего палеолита, то есть у неандертальцев (там же). Но в любом случае, к какому бы периоду ни относить его начало, ясно, что клинописные или иероглифические системы, возникшие соответственно в Междуречье и Египте⁵, отличаются от пиктографических знаков первобытных народов примерно так же, как поэмы Гомера от мифов австралийцев. Таким образом, для формирования цивилизации, как правило, требовалось (в зависимости от точки зрения), чтобы письмо или возникло, или обрело свою зрелую форму.

Но могли быть и аналоги письма, вроде кипу-узелкового письма инков⁶. Тот факт, что в некоторых ранних цивилизациях не было письменности, либо она была достаточно примитивной и не позволяла выражать абстрактные понятия, указывает на то, что стартовые условия в разных ситуациях могли варьироваться и возможность образования цивилизации не была намертво связана с изобретением достаточно удобного письма. Те же инки создавали весьма впечатляющую цивилизацию общей площадью около 2,5 млн кв. км с численностью населения, но разным подсчетам, от 4 до 12 млн (Гуляев 1972: 161; Кузьмищев 1985), с единым государственным культом солнца, которому воздвигли множество храмов, «к каждому из них были приставлены жрецы и девственницы-весталки, поддерживающие священный огонь» (там же: 39). Но, разумеется, без изобретения или заимствования обычного типа письма нормальное развитие любой цивилизации было бы невозможным.

При прочих равных условиях, думается, больше шансов на появление цивилизаций имели те области, где была достаточная этническая однородность. В дальнейшем в них письменность и письменный язык, единая идеология способствовали определенной монолитности этносов.

С другой стороны, национальные идеологии далее своей этнической базы и сопредельных территорий распространялись с трудом и были неспособны перерасти в надгосударственные и тем более мировые. Так, греки властвовали долгое время над половиной мира, но нового в цивилизационном плане на этой территории создать не смогли,

⁴ Стоит отметить, что дифференциация культуры растет вместе с увеличением общественного разделения труда, при этом некоторые технические моменты могут весьма серьезно влиять на уровень развития и жизнь цивилизации. В частности, это касается удобного для письма материала.

⁵ Некоторые авторы называют их первичными в отличие от буквенных алфавитных европейских «вторичных», следовавших «уже существовавшим образцам» (см.: Фридрих 1979:48).

⁶ «Практика показывает, что в истории существовали бесспорно цивилизованные народы, не имевшие письменности (например, перуанские инки)» (Гуляев 1972: 161).

ибо их идеология была чужда местному населению. А арабы на той же территории создали новую цивилизацию.

Стабильность цивилизации основывается на стабильности жизни, особенно хозяйственного и социального порядка. Она поддерживается стремлением внушить, что это наиболее правильные вера и образ жизни. Но это же и является причиной того, что на очередной вызов не следует правильного ответа. Чем более ортодоксальна и закрыта идеология, тем труднее она заимствует и перестраивается. Ясно, что в некоторые периоды разрушить основы прежнего порядка исключительно сложно. Для этого нужно изменить либо этнический состав населения, либо уклад жизни. Но в периоды кризисов, когда старые порядки и так уже подорваны, когда доверие к прежней идеологии исчерпано, глубокие перемены в цивилизациях вполне возможны.

Отметим еще тот факт, что многие государства появляются в обществах без намека на цивилизацию, показывает, что: а) государства, возникающие в менее благоприятных местах, особенно в степи, на периферии, и связанные в первую голову с войной и завоеванием, могут длительное время не требовать цивилизационных форм. Особенно, если сплачиваются разноэтничные единицы. Управление с помощью прямой силы, грабежа и угроз – менее высокая политическая форма, чем управление путем хозяйствования, администрирования и регулирования. Там, где политическая власть есть чистая надстройка над хозяйством, где высшие слои считают занятие хозяйством второстепенным делом, трудно ожидать появления цивилизации⁷. Кроме того, в государствах, редко населенных, возникновение цивилизации менее вероятно. **Она рождается в густотах населения, богатства, специализации и власти.**

3. ПротоВосток. Истоки в ретроспективе

Итак, о начале Востока ретроспективно мы можем говорить только с момента ретроспективного выделения Древнего Востока, то есть не раньше 5,5 тыс. л.н. Однако первые протогородские поселения все же появились раньше, как и первые нападения «протоарваров» на них. Другими словами, видимо, мы можем говорить о ПротоВостоке. Против этого термина могут быть возражения, мы понимаем это, но для наших целей оно удобно⁸. С какого времени возможно говорить об этом? Тут могут быть разные мнения. Мы считаем, что это возможно с начала аграрной революции, то есть примерно с периода 9–12 тыс. л.н.

До начала аграрной революции нельзя было говорить о каких-то локальных центрах, которые активно двигали социальную эволюцию вперед. Достаточно сложно было говорить и о более и менее продвинутых обществах. Разумеется, даже на нашей шкале одни общества охотничье-собирательского уровня были выше, чем другие, но все же эти различия не доходили так далеко, чтобы обеспечить какую-то линию развития, которую можно было принять как более аргументно-эволюционную. Таким образом, здесь социаль-

⁷ Это видно даже внутри одной цивилизации. Можно сравнить Афины и Спарту. Много ли внесла в эллинскую цивилизацию последняя? Одна из причин в том, что спартиаты мало занимались хозяйством. Между тем в Афинах знать всегда уделяла ему большое внимание, еще задолго до Перикла и даже Солона. А городские власти тратили много сил на регулирование денежных отношений, поощрение ремесла, снабжение горожан и т. п.

⁸ Впрочем, термин протоВосток употребляем не мы первые. Например, Кульпин (2014: 127) говорил о протоЗападе и протоВостоке. Однако термин протоЗапад, хотя он, вроде бы, и логичный, нам кажется не особенно правильным. Используя понятие протоВосток мы имеем в виду формирование региона, который уже выделялся из общего массива обитаемых земель своей культурностью (переходом к сельскому хозяйству и т. п.), но еще как таковой не имел себе ясной альтернативы (Запад еще отсутствовал). А использование терминов протоЗапад и протоВосток в их дихотомии как бы предполагает наличие «генетического» архетипа на еще варварских территориях. Такая предустановленность кажется несколько искусственной (в лучшем случае можно говорить о потенциальных чертах, которые могут проявиться в будущем под влиянием разницы в природном факторе).

ная эволюция развивалась путем занятия новых ниш, медленного распространения инноваций и спорадического обмена примитивными товарами и информацией. Этот период мы определяли как домирсистемный, а потому, неструктурированный, не представляющий даже зачатка системы (см. главу 4). Кроме того, об этих обществах мы либо вообще ничего не знаем, либо знаем очень мало, они исчезли, не оставив следов непосредственной связи с современным миром.

С аграрной революции можно говорить, во-первых, об окончательном переходе эволюции на социальные рельсы, во-вторых, о появлении потенциальных (а затем и реальных) центров более быстрого развития, которое обеспечивалось более активными демографическими процессами, хотя от начала аграрной революции до момента, когда эти процессы обозначились более явно, прошли тысячелетия.

Таким образом, неравномерность в развитии разных обществ, которая хотя была и раньше, теперь приобрела более важное значение в социальной эволюции. Появились стабильно передовые и отстающие регионы, а соответственно и усилилась роль заимствований, диффузий и прочего, поскольку образно говоря, повысилась «разность потенциалов» разных регионов (см. ниже о распространении культур). Началась и локализация важнейших событий в историческом процессе.

Для нашей же темы крайне важно сказать, что а) первые очаги аграрной революции зародились в районах, которые относятся к Азии и Северной Африке (см. главу 10), б) что с этого времени эти районы в течение тысячелетий лидировали; в) с этого (и особенно с несколько более позднего времени) они могут быть противопоставлены другим регионам, как регионам с более низким уровнем развития (то есть отставшими); г) именно эти регионы (и не случайно) стали первыми зонами цивилизации и ядром Мир-Системы, оставаясь им довольно длительное время. Все это дает основания ретроспективно говорить о том, что с аграрной революции появился и Восток, точнее Прото-Восток.

Почему еще можно говорить о Прото-Востоке, начиная с аграрной революции? Дело в том, что именно в ходе аграрной революции на Ближнем Востоке зародилась та Мир-Система, которая затем через циклы расширений и экспансий, смещений центра, снижения и возобновляющегося роста связности превратилась вначале в афроевразийскую мир-систему, а затем и в современную глобальную Мир-Систему (Коротаяев 2005, 2006в, 2012; Коротаяев, Малков, Халтурина 2007; Гринин, Коротаяев 2009; Grinin, Korotayev 2009, 2012, 2013а, 2013б, 2013с, 2014; Zinkina *et al.* 2017). Тут важно учитывать, что раз возникнув, ядро афроевразийской мир-системы постоянно расширялось за счет ближней и дальней периферии, а возникшие несколько позже в других местах Прото-Востока другие мир-системные центры получали мощный импульс от ближневосточного ядра в виде диффузии инноваций (о которых мы скажем в главах 7 и 13). Можно говорить о таких критериях диффузии инноваций: важнейшие инновации западноазиатской аграрной и городской революций⁹ не изобретались в разных частях системы по отдельности, но, будучи изобретены на Ближнем Востоке, постепенно распространились и в другие части системы по всей северо-африканско-евразийской ойкумене. Это означает, что социальная эволюция связала входившие в систему общества (Гринин, Коротаяев 2009: 118–119).

4. Рождение идеологического понятия «Восток» как противоположность «Западу»

Конечно, говорить о Востоке в полной мере можно только с момента, когда сформировался Запад. А произошло это не раньше, чем в середине первого тыс. до н.э., может быть, это событие можно отнести на сто-сто пятьдесят лет раньше, когда сформирова-

⁹ Такие как domesticiрованные злаки, одомашнивание крупного и мелкого рогатого скота и лошади, металлургия меди, бронзы и т. д. (подробнее см. Главу 8).

лись древнегреческие полисы. Но зримо это выразилось в греко-персидских войнах. Тогда появились уже новые цивилизации, одна из которых существенно трансформировалась, заложив основы культуры Запада. Конечно, были и промежуточные вариации, каким был Карфаген, например (в какой-то мере и финикийские города). Отпочковались номадные общества.

Политика как особая сфера отношений, связанная с распределением власти (Смелзер 1994), как уже сказано, возможно, существовала с момента верхнепалеолитической революции. Политическая сфера стала отделяться от остальных на уровне сложных обществ (Гринин 2011; Grinin 2009; 2012a). При этом внешняя политика, то есть отношения между самостоятельными сообществами, едва ли не древнее политики внутренней¹⁰. Но очевидно, что отношения между государствами могли возникнуть только после того, как сложилась какая-то система ранних государств, а произошло это лишь в начале III тысячелетия до н. э. В конце III тысячелетия до н. э. появились уже первые крупные и организованные государства. С этого времени можно говорить о циклах политической гегемонии и о перманентной борьбе за лидерство (Frank, Gills 1993). Одна за другой сменяют друг друга ранние империи, период реальной гегемонии каждой из которых не превышает 100 лет: Аккадское царство Саргонидов (XXIV–XXII вв. до н. э.), государство III династии города Ура (XXII–XX вв. до н. э.), Старовавилонское царство (XIX–XVII вв. до н. э.). В те времена данный регион представлял собой наиболее передовую (и наиболее крупную) часть культурной ойкумены. Поэтому столкновения в его пределах вполне можно рассматривать как предтечу борьбы за мировой порядок. Наиболее известными эпизодами этой борьбы в центре Афроевразийской Мир-Системы были соперничество между Египтом Нового царства, Митанни, Ассирией и Хеттским царством (середина и вторая половина II тыс. до н. э.)¹¹, возвышение Новоассирийской империи (VIII–VII вв. до н. э.), образование коалиции против Ассирии (из Египта, Нововавилонского царства, мидийцев), а также разгром Ассирии и разрушение ее столицы Ниневии в конце VII в. до н. э. После этого на арену вышло сначала Мидийское царство (673–550 гг. до н. э.), а затем и Персидская империя Ахеменидов (550–331 гг. до н. э.). С ней-то и связано идеологическое противопоставление ойкумены на Запад и Восток. С периода греко-персидских войн появляется идея противопоставления Азии и Европы, правда в эпоху Римской империи несколько померкнувшей, чтобы вновь подняться в период борьбы христианства и ислама.

Западный мир с самого начала – со времен греков – конституировался в рамках внутренней полярности Запада и Востока. Со времен Геродота противоречие между Западным и Восточным миром осознается как исконная и вечная противоположность, являющая себя во все новых образах. Тем самым эта противоположность только и стала реальной, ибо духовную реальность обретает лишь то, что знает о себе. Греки заложили основу Западного мира, и сделали это так, что мир этот существует лишь постольку, поскольку он постоянно направляет свой взор на Восток, находится в размежевании с ним, понимая его и отстраняясь от него, перенимая у него определенные черты и перерабатывая их, борясь с ним, и в этой борьбе власть попеременно переходит от одной стороны к другой (Ясперс 1991: 89). *Хотя бесспорно именно с древних греков появилось идеологическое противопоставление Запада и Востока, все же представляется, что Ясперс преувеличивает этот момент в жизни античного Запада, тем более в жизни современной античности Востока.*

¹⁰ О войнах в первобытных обществах см., например: Keeley 1996.

¹¹ В итоге сложных политических событий Митанни и Хеттское царство исчезли с политической карты, а Египет Нового царства в конце II тыс. до н. э. ослабел и стал терять территории. Отметим, что эта борьба вела к быстрому распространению инноваций, в частности металлургии железа в конце II и первой половине I тыс. до н. э. К сожалению, с самых древних времен и по сию пору складывается практика, когда ожесточенная борьба на внешних театрах является двигателем технического прогресса.

Персидская империя Ахеменидов, эта первая мировая держава погибла в результате побед Александра Македонского, разделившаяся империя которого создала мир эллинистических империй, соперничавших между собой вплоть до завоевания их Римом. Но они символизировали новый синтез Запада и Востока, давший миру многое.

Таким образом, мы видим эволюцию понятия «восток»: сначала это только регион будущего Востока – ПротоВосток, развивающийся и растущий в течение нескольких тысячелетий; затем это исходный – древний Восток, наконец, в первом тыс. до н.э. это уже Восток (Азия) противостоящий Западу (Европе). Далее в конце первого – начале второго тыс. н.э. это сильно идеологизированное противопоставление христианского Запада (Европы) мусульманскому Востоку (Ближнему Востоку); далее это противопоставление бедной, но активной Европы богатому Востоку (всему Востоку), богатства которого нужно тем или иным способом получить; наконец, это передовая Европа и отсталая (забывшая), но все еще очень богатая Азия, которую можно и нужно подчинить.

Раздел II. Природно-географический фактор в социальной эволюции и Восток

Роль географического и природного факторов в социальной эволюции исключительно велика, хотя она и менялась, и меняется. Поэтому данному моменту следует уделить достаточное внимание. В Приложение к главе мы поместили краткий обзор идей по поводу такого влияния.

1. Природный фактор: теоретические основы система «Общество – природа»

Природная (географическая) среда. Общество не может существовать вне природной (географической) среды. Эта среда *представляет собой сложный комплекс различных условий (климата, рельефа, почв, полезных ископаемых и мн. др.). Влияние, которое она оказывает на жизнь общества, называется природным (географическим) фактором.* Вполне понятно, что по отношению к каждому конкретному обществу природная среда будет частью планеты, по отношению к человечеству вообще – всем земным шаром и окружающим его пространством (в том числе космическим). Общество и природа образуют единую систему, поскольку между ними происходит: а) обмен веществ; б) взаимное воздействие; в) образование общих для обоих элементов.

Структура природной среды в плане ее взаимосвязи с обществом делится на три большие части: 1) **окультуренная природа**, то есть включенная в хозяйственный оборот; 2) **«резерв»**, то есть еще не используемая, но пригодная для хозяйственных нужд при данном уровне развития¹²; 3) **неокультуренная**, то есть непригодная для хозяйственных нужд при наличных возможностях. Окультуренная природа при дальнейшем влиянии людей начинает превращаться в **искусственную географическую среду или даже техносферу**.

Изменение природной среды происходит в двух смыслах: а) абсолютно (физически), в том числе и под воздействием человека (распашка земли, сведение лесов и т. п.);

¹² Понятие «резерв географической среды» облегчает анализ возможностей общества, стимулов и преград в его развитии и ряда других проблем. Так, огромный запас земель в США позволил сформировать американский путь развития сельского хозяйства, что создало невиданную по широте базу для мощного подъема самой современной промышленности. Если же способ производства уже стал тормозом для прогресса, то наличие большого резерва позволяет правящим группам отставшей страны, не желаям ничего менять, задерживать ее развитие. Та же безграничность земли в Северной Америке подпитывала в южных штатах рабство, пока его не уничтожили силой. Такую же роль для сохранения дворянского крепостнического землевладения играло расширение фонда земель в России (см. подробнее: Гринин 1997: 63–64).

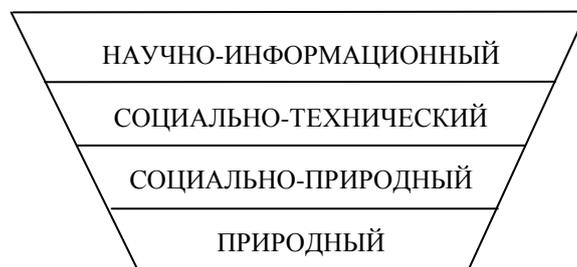
б) относительно, в связи с ростом технических возможностей общества (например, раньше нефть добывали лишь на суше, теперь – и со дна морей). При достижении нового уровня развития человечества ему открываются новые источники природного богатства. Таким образом, одна и та же природа в качестве географической среды будет меняться вместе с развитием общества и абсолютно, и относительно. А с ростом плотности населения, уровня развития науки, техники, величины государств и т. п. преодолеваются прежние границы, поставленные географической средой, и меняется ее структура.

Два вида влияния природы на общество: прямое и косвенное. Прямое влияние не опосредуется обществом, оно выражается в генетических изменениях или негативных или позитивных явлениях: катастрофах, ухудшении/улучшении климата, эпидемиях и т. п. Крупные климатические изменения (оледенения, потепления, усыхания степи и др.) играли важную роль в формировании и истории разных обществ и человечества в целом. Косвенное влияние реализуется через общественные отношения, труд, распределение богатства, полученного от использования природы, общественное сознание и т. п. Следовательно, *влияние одного и того же природного фактора на разные общества может вызывать разные реакции в зависимости от уровня развития общества, его структуры, исторического момента, ряда других обстоятельств.*

Чем сложнее **взаимодействие природы и общества**, тем меньше та часть **влияния природы на общество**, которая оказывается **прямо**, а больше часть, которая **реализуется косвенно**. Этот момент недоучитывали мыслители прошлого (см. ниже), которые пытались найти прямые формы влияния природы на общество (например, что климат формирует характер народа). Вот почему так важно изучать механизмы, которыми природная среда непрямо влияет на структуру общества.

Рост сложности взаимодействия природы и общества можно представить как усложнения производительных сил (см. схему 1), где с каждым уровнем роль природы в непосредственном обеспечении людей продуктами труда становится меньше, зато степень сложности взаимодействия природы и общества возрастает.

УРОВНИ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ

Рис. 5.1. Уровни производительных сил

Природный уровень характерен для охотничье-собираетельского общества; **социально-природный** – для аграрно-ремесленного; **социально-технический уровень** – для индустриального; **научно-информационный** – для современного.

Роль природной среды тем больше, чем большее место она занимает в составе общественной системы, особенно в составе производительных сил. Иными словами, роль географической среды тем больше, чем древнее период.

Формы взаимоотношения природы и общества. Можно выделить пять главных форм взаимоотношения человека с природой: а) адаптация; б) бессознательное негативное или позитивное влияние (первые две формы характерны для всех периодов, особенно для доиндустриального); в) окультуривание для хозяйственных и иных целей (возник-

ло с появлением сельского хозяйства); г) влияние на природные процессы с помощью науки (возникло в индустриальном производстве); д) сознательное регулирование функционирования природной среды в целях ее сохранения (в настоящий момент формируются некоторые элементы такого влияния).

2. Роль природного фактора в истории

В эпоху присваивающего хозяйства **приспособление (адаптация) человека к природе было главной движущей силой развития, благодаря чему люди расселились почти по всей планете.** Весь образ жизни зависел от окружающих природных условий, с переменой которых нужно было либо адаптироваться вновь, либо переселяться. В течение многих тысячелетий большие пространства Земли (в том числе Европы) были заняты ледниками. Приспосабливаясь к холодному климату, человек изобрел теплую одежду, заготовку продуктов, научился охотиться на самых крупных животных. Затем примерно 14–10 тыс. лет назад началось потепление, в результате чего крупных млекопитающих стало меньше. Люди в ряде районов перешли к индивидуальной охоте, изобрели лук, ловушки, сети, гарпуны, топоры и т. п., что обеспечило автономное существование мелких групп и даже отдельных семей. Первобытные люди в целом добились относительного благополучия и, согласно теории М. Салинза (1999), даже смогли достичь относительно изобилия.

Аграрно-ремесленное общество. Впервые земледелие возникло на Ближнем Востоке. Для перехода от охоты и собирательства к земледелию (как и для перехода к ирригационному земледелию) требовались особые условия. Так, окультуривание дикорастущих злаков, согласно В. И. Гуляеву (1972), могло произойти лишь в горных засушливых районах с теплым субтропическим климатом при обилии на сравнительно узкой территории природных микрорайонов, обладавших богатейшей и разнообразной флорой (см. также: Diamond 1999). Здесь мы видим важную закономерность в отношении взаимодействия природы и общества: *для первичного перехода на новый уровень развития до последних веков истории обществу требовались особые природные условия.*

Переход к производящему хозяйству привел к росту населения в десятки раз. Характер взаимоотношения между природой и обществом меняется за счет перехода к активному преобразованию окружающей среды (искусственная ирригация, вырубка и сжигание лесов, распашка целины, создание городов и пр.). Значительно расширяется использование природных сил, включая силу животных, ветра и воды (ранее активно использовался лишь огонь).

В главе 10 мы будем говорить о фазах аграрной революции и о ее завершающей фазе, характер которой зависел от природного фактора. В случае ирригационного земледелия важнейшее значение имела именно технология ирригации, тогда как орудия труда могли оставаться достаточно примитивными. В случае неполивного земледелия на тяжелых почвах важнейшее значение имело появление плуга с железным наконечником, которым можно было вспахивать почву с помощью тягловых животных. Но в связи с особенностями природного фактора есть смысл отметить и другие варианты. Например, в ряде мест, например в Африке, существовала комбинация железных орудий и ручного труда. Металлическая мотыга как основное орудие обработки почвы под посев (и не только) засвидетельствована и в ряде ранних государств Евразии. Но вообще следует иметь в виду, что существовало большое разнообразие орудий труда для обработки почвы под посев. Причем во многих случаях выбор таких орудий определялся тем, что археолог А. И. Мартынов называет действием закона рациональности, то есть этот выбор зависел от того, что люди считали наиболее рациональным в конкретной экологической и экономической ситуации (см.: Мартынов 2005: 112). В-третьих, в ряде районов, вклю-

чая некоторые части Европы, распространение подсечно-огневого земледелия произошло в условиях господства неолитической техники (Шнирельман 1988б: 13).

Роль географического фактора была велика в плане возможности обществ перейти на более высокий уровень организации, а при переходе на таковой, в условиях неблагоприятного географического фактора общество могло застрять, не развиваясь качественно. В отношении ранних государств мы выделяли такой их подтип как неэволюционное государство, то есть такое, которое развивается очень медленно. Причем неэволюционные государства еще могут трансформироваться в иные политические формы¹³. Примеров таких неэволюционных ранних государств, нередко достаточно крупных по территории и населению, много, особенно в Африке южнее Сахары, что, без сомнения, тесно связано с их географическим положением, ограниченностью экологического и производственного потенциала, недостаточными возможностями создавать и хранить нужный объем прибавочного продукта¹⁴. При такой экологической и производственной базе часто было невозможным даже само образование государства (см., например, об обществах Восточной Тропической Африки накануне колонизации в XIX в.: Гиренко 1977: 84–86; Бочаров 1995). Однако в случае прохождения по данной территории основных торговых караванных путей возможность для образования государства появлялась (см.: Гиренко 1977: 86–87). Но далее эволюция все равно замедлялась или даже прекращалась. Как мы уже говорили и еще будем говорить, для возникновения первичных государств как совершенно нового феномена требовались исключительные условия, в том числе и небывалые до того времени возможности по производству и отчуждению прибавочного продукта. Впервые этого удалось достичь на базе интенсивного ирригационного земледелия. Но в случае с Африкой мотыги обычно было недостаточно для государствогенеза. Однако позднее иногда государства появлялись и на базе мотыжного земледелия, например в той же Африке. Но они бывали весьма непрочными и обычно так или иначе связаны с иными источниками богатства (торговлей, добычей золота и т. п.). (О роли географического фактора в политогенезе Тропической Африки см.: Дмитриевский 1998.)

Там же, где ранние государства образовывались (в разных регионах, включая степную зону, где жили кочевники), потенциалы развития также ограничивались географическим фактором, государства могли быть непрочными и недолговечными. Ведь часть ранних государств вообще не имела зернового хозяйства, либо слишком суровые природные условия не давали возможности для роста населения. Иногда потенциалы ограничивались неудачным географическим положением (горные районы, отсутствие преград от постоянных нападений и т. п.).

Помимо географического положения было много иных, в том числе чисто исторических и культурных причин, которые порой «определяющим образом воздействуют на выявление эволюционного потенциала общества, пределов его эволюционного продвижения» (Бондаренко 1997: 15).

С другой стороны, появление определенных технических, технологических или производственных новаций (например, металлургии/металлических орудий или верховых животных и прочего), что позволяет преодолеть потолок, задаваемый географической средой. Это мы увидим на примере завершения аграрной революции с помощью железных орудий. «Цивилизация», правда, слабая, во многие африканские общества она пришла с железной мотыгой, которая, по выражению Саттона (1982: 131), означала процветание (см.: Шинни 1982; Куббель 1982а). Только с железным топором и мотыгой могло развиваться земледелие в долине Ганга (Шарма 1987: 363).

¹³ См., например: Коротаев 2000а: 224–302; см. также статью Трепавлова с характерным названием «Ногайская альтернатива: от государства к вождеству и обратно» (Трепавлов 1995: 144–151).

¹⁴ В последнем отношении большие различия существовали между зерновым и клубневым растениеводством.

Географическое (топографическое) положение населенных пунктов имело существенное значение для возникновения преимуществ и связанного с этим неравенства.

В частности роль географического (топографического) фактора была велика и в плане того, какие общества из кластера близлежащих станут центрами в более крупном объединении. Так, неравенство возникало и на уровне разных обществ, вовлеченных в одну систему, в результате чего одни общества оказывались в более привилегированном положении, чем другие.

Важно понимать, что даже при наличии свободных земель поселения по разным причинам располагались с разной плотностью. Например, в некоторых районах Амазонии, в частности у индейцев яномама, деревни в центральной части их территории располагались более тесно, чем на периферии, что вело к более частым и интенсивным войнам между поселениями в центре, чем на окраинах. И это явилось одной из причин, почему центральные деревни стали более крупными, а лидеры там – более могущественными: более крупные поселения имели преимущества при нападении и обороне (см.: Carneiro 1970; Карнейро 2006б).

В дальнейшем это могло привести к формированию более крупных обществ и сообществ типа вожеств, конфедераций, гражданских общин и государств и их разного рода объединений. Созданию такого межобщественного неравенства способствовали разнообразные факторы, особенно военное преимущество, обладание какой-то общей ценностью (например, святыней), преимущества в географическом положении, например контроль выгодной торговли, лучшие экологические условия, лучшие земли, водные источники, залежи полезных ископаемых и т. п. Неравенство могло возникнуть и в результате особого месторасположения города, деревни или даже домовладения. Так, преимущество расположения некоторых домохозяйств у реки давало им особые выгоды в торговле на реке Конго (Vansina 1999), а близость деревень Шри-Ланки к источникам воды позволяла выращивать больше риса и эксплуатировать труд более бедных деревень, вынужденных отрабатывать за воду (Gunawardana 1981). В итоге там весьма рано дифференцированный доступ к источникам воды для ирригации приводил к созданию более или менее «привилегированных» деревень.

Географический фактор, как отмечал еще Монтескье, влияет на характер политического режима. Это особенно характерно для ранних государств. Так «выбор» демократической формы политического устройства определялся разнообразными причинами, точнее даже, сложным их комплексом. О некоторых из таких причин будет сказано далее. Одной из важнейших среди них могло быть географическое положение общества, например горный рельеф местности, препятствующий объединению мелких политий в крупную (см. об этом, например: Коротаев 1995; Kogotayev 1995; 2020a); наличие естественных границ, что связано, в частности, с изрезанностью рельефа, островным или анклавным положением политии и т. п.). Такая изрезанность и затрудненность рельефа способствовали, в частности, сохранению политической раздробленности финикийских городов-государств (Циркин 2004: 256), в которых, кстати сказать, может быть, именно по этой причине царская власть была существенно ограничена и регламентирована городским самоуправлением (Циркин 2004). Есть даже мнения, что на каком-то этапе царская власть, возможно, была сменена олигархией (см., например: Харден 2004: 79).

Таковыми мелкими политиями являлись и греческие полисы, благо горный рельеф Греции и обилие островов этому сильно способствовали. «Полис – сравнительно небольшая – от нескольких сот до нескольких тысяч человек – община граждан, основное занятие которых – земледелие, база экономики полиса» (Кошеленко 1983: 30). Легко понять, что такой полис – это стадияльно догосударственное образование¹⁵. Примитивное

¹⁵ И только в отношении подобных полисов (а никак не в отношении их античных потомков) и будет справедливым утверждение Классена (Claessen 2004: 75) о догосударственном характере полиса, что полисы, как

(зачаточное) раннее государство должно иметь, по крайней мере, 5–6 тыс. жителей. И даже с таким населением стать ранним государством возможно было далеко не всегда, а только в самых удачных случаях. Фактически для образования государств обычно требовались бóльшие объемы. Например, Платон в «Законах» (737e, 745c) указывает, что в идеальном полисе должно быть 5 тыс. полноправных граждан, владеющих наделами земли¹⁶. А это значит, что население такого полиса, включая женщин и детей, неграждан и рабов, составляло бы уже десятки тысяч человек.

Продолжая разговор о форме политики и ее режима, о том, пойдет ли ее развитие по классическому или аналоговому пути, можно еще указать, что несомненно, что на форму будущей политики сильно влияет размер социального организма, который во многом определяет объем аккумуляции ресурсов, уровень и сложность задач, стоящих перед обществом, а также его возможности реагировать на внешние вызовы. Под размером мы подразумеваем в первую очередь численность населения политики, но существенное значение имеет и размер ее территории, который в совокупности с количеством населения дает важнейший показатель – плотность населения. От плотности населения (с учетом, конечно, рельефа и других географических особенностей) исключительно сильно зависит **интенсивность контактов внутри общества** (см., например: Коротаев 1991а; Гринин 2001–2006 [01/4]; 2007м; Гринин, Коротаев 2009). Чем контакты были выше, тем сильнее повышалась вероятность того, что возникнет именно государство, а не аналоговая ему форма. Рост демографического давления вел к усилению контактов, в том числе военных, что нередко приводило к увеличению размеров обществ (в результате завоеваний или объединения обществ для совместной обороны) и преодолению того порога, за которым возникновение государства становилось практически неизбежным. Это подтверждает идею, что процесс возникновения государства связан с плотностью контактов с другими обществами, а значит, этот процесс крайне затруднен без определенных внешних факторов (см.: Гринин 2007м). Именно поэтому аналоговые государству формы чаще рождались в обществах-изолятах (или кластерах таких уже лишь частично изолированных обществ), подобных полинезийским.

Наконец, общеизвестно, что социальное окружение как способствует росту сложности, так и создает большие риски для обществ (см., например: Коротаев 2003). Особенности географического положения (выход к морю, нахождение на важных торговых путях или, напротив, удаленность от других обществ), соответствующее окружение (например, наличие развитого, опасного или слабого соседа), многое другое – все это может влиять на темпы и возможности развития обществ. Общеизвестно, что соседство с цивилизациями позволяло развиваться и богатеть соседствующим с ними кочевым обществам, но в то же время нередко вело к гибели этих цивилизованных обществ.

В промышленный период общество преодолевает многие ограничения, поставленные природой, и усиливает собственное влияние на нее. Люди овладевают силами природы, прежде им вовсе или в основном недоступными (энергией пара и электричества), создают новые материалы (с помощью химии), на основе законов физики производят все новые механизмы, побеждают прежде неизлечимые болезни. Огромные площади используются для городов, дорог, разработки полезных ископаемых. В этот период утверждается идея, что человек покорил природу и стал ее хозяином. Противоречия между хозяйствованием и природой в результате ее хищнической эксплуатации начинают обостряться.

вождества или большие конгломераты под руководством бигменов, были более ранними формами социально-политической организации, чем государство.

¹⁶ Но когда государственный тип полиса утвердился, планка необходимых объемов населения, естественно, могла снизиться (иногда до 1–2 тыс. человек), так как теперь в колониях и в малых полисах шло прямое копирование политического устройства крупных политий.

В современный период научно-информационного общества влияние человека на природу стало глобальным. Люди овладели новыми видами энергии (в том числе ядерной), создали огромное количество новых материалов и генетически модифицированных организмов. Объемы добычи полезных ископаемых и загрязнения среды стали колоссальными. В настоящий момент человечество оказалось перед лицом постепенного изменения климата, что может повлечь за собой очень крупные проблемы. Объемы негативного воздействия на природу так выросли, так что отношение к природе постепенно изменяется. Появилось экологическое сознание, принимаются меры для сохранения природы (возникли системы заповедников, вводятся нормы выбросов и т. п.)

Рассмотрим теперь влияние природного фактора на социальную эволюцию более систематически.

3. О роли природного фактора в особенностях развития Востока и Запада

В настоящее время даже те из российских востоковедов, кто в рамках марксистской доктрины отрицал роль географического фактора, стараются признавать его (см., например, Предисловие (2006) к первому тому 2000 Истории Востока (т.1. Восток в древности, С. 16), подчеркивая, что географическим фактором определяется характер хозяйства, а в некоторых случаях, как в древнем Египте, и форма государственного устройства (там же; о роли географического фактора для Египта см. Гринин 2010). Впрочем, мы бы сказали во многих случаях. Сами же авторы Предисловия указывают, что вопреки широко распространенному мнению в нашей науке (идея идущая из 19 века от Мечникова 1881 [1995], и усиленная Виттфогелем [Wittfogel 1957]), необходимость искусственного орошения не была побудительным мотивом к созданию крупных территориальных государств ни в Древней Индии, ни в древней Месопотамии, ни в долине Хуанхэ (крупные государства результат завоевания и добавим интеграции), а типичным были многочисленные независимые оросительные системы и соответственно и государства преобладали мелкие. Очевидно, если природный фактор не требует создания централизованной системы, то преобладают будут локальные государства и политическая раздробленность региона. Но в целом роль природного фактора в социальной эволюции, в т. ч. и Востока исследована совершенно недостаточно, за отдельными исключениями (вроде кочевых обществ). Особенно недоучитывается роль природного фактора в обсуждении проблемы соотношения развития Востока и Запада, вместо этого предпочитают говорить о социальных мутациях (Васильев 1997), цивилизационных факторах и т. п. Ниже мы вернемся к этому моменту.

Отметим один важный момент различий природного фактора, на который обращают внимание исследователи давно. Например, К. Ясперс пишет: «Уже географически Запад обладает определенной спецификой. В отличие от замкнутых континентов Китая и Индии территория Запада характеризуется чрезвычайным разнообразием. Разнородное членение на полуострова, острова, пустыни и оазисы, области средиземноморского климата и мир высокогорья, сравнительно большая длина побережья соответствуют многообразию языков и народов, которые творили здесь историю по мере того, как они сменяли друг друга в своей деятельности» (см. также Тойнби 1991). Действительно, природно-географические отличия Европы и Азии существенны, разнообразия в Европе на кв. км больше, чем в Азии. Мы и сами указывали на такие различия (Гринин 2006; Гринин и Гринин 2015; Grinin, Korotayev 2015). Однако некоторые другие отличия Запада от Востока, которые сформулировал Ясперс, вызывают сомнения. Например, «только на Западе в таком количестве известны самобытные индивидуальности в таком разнообразии

характеров – от еврейских пророков и греческих философов до великих христианских мыслителей, до деятелей XVI–XVIII вв.» (Ясперс 1991: 88).

Кажется, что это неосознанное влияние ориенталистских взглядов.

Забегая вперед (см. гл.10), также скажем, что первичное возникновение эволюционно наиболее важного зернового хозяйства также могло случиться только в определенных природных и климатических условиях. Восток превосходил Запада, в результате чего для аграрной революции Запада потребовался особый вариант совершения аграрной революции и произошло запаздывание.

Разнообразие перехода к интенсивному земледелию можно свести к двум основным вариантам, значительно различавшимся не только по природным условиям и районам их использования, но и по времени начала их внедрения.

Раздел III. Эволюция Мир-Системы и Восток

Имеет смысл предварительно дать краткий эскиз общего развития Мир-Системы (поскольку исследование ведется в рамках Мир-Системы) с выделением в ней особой роли Востока на разных периодах ее развития.

В целом наше представление об уровнях и периодизации глобализации отражено в Табл. 5.1. Среди семи периодов, выделенных нами, только первый не может быть отнесен к исторической глобализации.

Табл. 5.1. Рост уровня глобализации в историческом процессе

Период, номер п/п	Тип пространственных связей (уровень глобализации)	Датировки периода
1	2	3
1	Локальные связи	До VII–VI тыс. до н. э.
2	Локально-региональные связи	С VII–VI тыс. до н. э. до второй половины IV тыс. до н. э.
3	Регионально-континентальные связи	Со второй половины IV тыс. до н. э. до первой половины I тыс. до н. э.
4	Трансконтинентальные связи	Со второй половины I тыс. до н. э. до конца XV в. н. э.
5	Межконтинентальные (океанические) связи	С конца XV в. до начала XIX в.
6	Глобальные связи	С начала XIX в. до 1960–1970-х гг.
7	Планетарные связи	С последней трети XX в. до середины XXI в.

В свете сказанного мы стремились:

1) доказать, что уже несколько тысяч лет назад (по крайней мере, с IV–III тыс. до н. э., с периода широкомасштабной торговли металлами) масштабы системных отношений стали перерастать региональный уровень и переходить на регионально-континентальный уровень;

2) показать, что уже в конце I тыс. до н. э. масштаб процессов и связей (высшего уровня) в рамках Афроевразийской мир-системы не только превышал региональный и достиг континентального уровня, но и вышел далеко за пределы отдельных континентов. Поэтому мы полагаем, что предельные системные контакты между участниками отношений разного типа (от обществ до индивидов) можно определить как трансконтинент-

тальные (причем как сухопутные, так и океанические – см. ниже о связях в рамках Индийского океана);

3) доказать, что масштаб глобальной интеграции в мире до ВГО был в некоторых параметрах сравним с глобальной интеграцией после них. В частности, в демографическом отношении реально интегрированное человечество составляло 9/10 населения мира уже два тысячелетия назад.

Анализ показывает, что указанный предельный уровень интеграции в рамках Афроевразийской мир-системы не был чем-то незначимым, а существенно влиял на общий вектор развития, ускоряя развитие многих обществ и территорий, которые иначе безнадежно отстали бы от ядра мир-системы.

Разумеется, скорости распространения сигнала от одного конца мир-системы до другого были несопоставимы с современными, однако так или иначе подобный сигнал проходил и вызывал очень серьезные изменения. Но иногда скорость и не была такой уж малой. Например, бубонная чума, унесшая десятки миллионов жизней, с Дальнего Востока до Атлантического океана распространилась примерно за полтора десятилетия (приблизительно с 1331 по 1347 г. [см., например: McNeill 1976; Dols 1977; Borsch 2005; Макнил 2008]). И столь быстрое и мощное ее движение было напрямую связано с возросшей плотностью и диверсификацией контактов, открывших путь патогенам. Почти столь же быстро прошли с одного конца Евразии до другого монгольские войны.

В Табл. 5.2 мы дополнительно хотели показать корреляцию между ростом глобализации и уровнем технологического развития (в виде перехода на новый этап принципа производства или следующей фазы производственной революции)¹⁷, а также корреляцию обоих этих показателей с ростом политической организации обществ.

Табл. 5.2. Корреляция между пространственными связями, политической организацией и технологическим уровнем

<i>Тип социально-пространственных связей</i>	<i>Период</i>	<i>Формы политической организации общества</i>	<i>Уровень технологии (принцип производства, производственная революция)</i>
Локальные связи	До VII–VI тыс. до н. э.	Догосударственные формы (простые и среднесложные общества)	Охотничье-собираТЕЛЬский принцип производства, начало аграрно-ремесленного принципа производства
Локально-региональные связи	С VII–VI тыс. до н. э. до второй половины IV тыс. до н. э.	Догосударственные среднесложные формы и первые сложные политики	Распространение аграрно-ремесленного принципа производства, начало городской революции
Регионально-континентальные связи	Вторая половина IV тыс. до н. э. – вторая половина I тыс. до н. э.	Ранние государства и первые империи	Завершающая фаза аграрной революции и зрелость аграрно-ремесленного принципа производства
Континентальные и трансконтинентальные связи	Вторая половина I тыс. до н. э. – конец XV в. н. э.	Подъем империй и первые развитые государства	Завершение аграрно-ремесленного принципа производства
Межконтинентальные (океанические)	XVI – нач. XIX в. (≈1492–1821 гг.)	Подъем развитых государств, первые зрелые государства	Первый этап промышленного принципа производства и промышленной революции

¹⁷ Относительно теории принципов производства и производственных революций см.: Гринин 2006а; 2009б; Гринин, Коротаев 2009а; Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2015а.

Окончание табл. 5.2

Тип социально-пространственных связей	Период	Формы политической организации общества	Уровень технологии (принцип производства, производственная революция)
Глобальные связи	Нач. XIX в. – 60–70 гг. XX в.	Зрелые государства и ранние формы наднациональных образований	Завершающая фаза промышленной революции и завершение промышленного принципа производства
Планетарные связи	Последняя треть XX – XXI в., достаточно отчетливо сформируются в ближайшие десятилетия, к середине XXI в.	Формирование наднациональных образований, эпоха ослабления суверенитета и борьбы вокруг суверенных прав, поиск нового типа политических союзов и образований, планетарных форм управления	Начало и развитие научно-кибернетической революции, завершающая фаза которой предположительно датируется 2030–2070-ми гг. ¹⁸

В настоящей главе будут проанализированы процессы, которые способствовали возникновению и росту Афроевразийской мир-системы, поскольку ее следует рассматривать как прямую предшественницу современной планетарной Мир-Системы. Афроевразийская мир-система уже более двух тысяч лет назад оказалась соединенной из конца в конец торговыми связями, к завершению XIII в. н. э. достигла кульминационной стадии для докапиталистической эпохи (Abu-Lughod 1989), начиная с конца XV в. стала расширяться за счет других мир-систем и наконец в течение XVI–XIX вв. стала планетарной Мир-Системой¹⁹.

1. Афроевразийская мир-система

Общая характеристика

Мы полагаем (см.: Гринин, Коротаев 2009а), что до появления единой Мир-Системы существовали по крайней мере несколько мир-систем (Американская, Полинезийско-Меланезийская, Австралийская). Однако Афроевразийская мир-система с самого своего возникновения и на протяжении последующих тысячелетий постоянно лидировала, имела тенденцию к расширению, усложнению и более высокую скорость развития. Уже к началу I в. н. э. в ней проживало более 90 % населения мира (см., например: Durand 1977: 256), и далее этот процент имел общую тенденцию не к уменьшению, а к увеличению.

Мир-систему можно определить как обладающую системными характеристиками предельную совокупность социумов, заметным образом прямо или опосредованно связанных между собой. При этом важно, что за границами данной совокупности уже не имеется значимых контактов и взаимодействий между обществами (их элементами) и другими компонентами, входящими в эту мир-систему, и обществами и прочими компонентами, входящими в другую мир-систему, а равно не входящими ни в какую (см. подробнее: Гринин, Коротаев 2009а: 9–10). При этом предельность понимается как такая граница, за которой если и есть контакты между обществами мир-системы и не входя-

¹⁸ О кибернетической революции см.: Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2015а.

¹⁹ Соответственно когда мы говорим об одной из мир-систем наряду с другими, то пишем термин со строчной буквы («мир-система»), а когда говорим о самой крупной или единственной мир-системе, то пишем обе части термина с прописных букв («Мир-Система»).

щими в нее социумами или их частями, то эти контакты не слишком существенны, то есть они даже по истечении значительного времени не ведут к серьезным изменениям в системе, подобно тому как путешествия скандинавов в Новый Свет и даже создание ими там своих поселений не привели ни к каким значимым изменениям ни в Америке, ни в Европе (см., например: Слезкин 1983: 16).

Однако это определение прежде всего относится к периоду, когда сосуществовало несколько мир-систем. Для современной единой Мир-Системы ее дефиниция оказывается более приближенной к понятиям «планетарная система», «глобальная система», «человечество как система». В любом случае в понятии «мир-система» необходимо учитывать оба аспекта: «мира», то есть масштабности в пространстве и времени, и «системы», то есть особой значимости внутренних связей и взаимодействий (см. подробнее: Гринин, Коротаев 2009а: 9 и далее).

Важные особенности Афроевразийской мир-системы вытекали из ее масштаба и древности, что вело к непрерывности качественных трансформаций этой мир-системы за счет высокой скорости изменений при ощутимой преемственности в развитии. Необходимо также указать на следующее:

- специфику природно-географических условий. К числу последних относились, в частности: огромный пояс евразийских степей, что обеспечило высокую роль варварской кочевой периферии; значимая роль водных коммуникаций, благодаря которым возникли плотно взаимодействующие регионы, в чьих рамках перемещались самые разные группы товаров (Средиземное море, Балтийское море, путь «из варяг в греки», Индийский океан и др.);

- сверхсложность Афроевразийской мир-системы, которая определялась огромностью ее территории и концентрацией населения и значительно влияла на систему взаимосвязей ее элементов;

- автохтонный характер большей части ее технологических инноваций;

- высокую скорость изменений. Чем больше и разнообразнее мир-система, тем выше скорость ее развития (см., например: Kremer 1993; Korotayev, Malkov, Khaltourina 2006а; Markov, Korotayev 2007; Гринин 2011а; Гринин, Коротаев 2009а; Korotayev 2007; 2008; 2009; 2012; 2014; 2020b).

Краткий обзор основных событий эволюции Афроевразийской мир-системы

Для эволюции Афроевразийской мир-системы (Мир-Системы) мы также сделали свою периодизацию. Она в значительной мере совпадает с периодизацией глобализации, однако имеет и некоторые особенности. Очевидно, что рост мир-системы обеспечивал основу для роста уровней глобализации. Неполное совпадение объясняется разными принципами для периодизации глобализации и эволюции Мир-системы.

В Табл. 1.3 вы видите связь между фазами исторической глобализации и фазами развития Афроевразийской мир-системы (в нашей интерпретации).

Табл. 5.3. Корреляция между ростом уровня глобализации и подъемом Афроевразийской мир-системы

<i>Тип пространственных связей (уровень глобализации)</i>	<i>Период</i>	<i>Фазы развития Афроевразийской мир-системы</i>
Локальные связи	До VII–VI тыс. до н. э.	
Локально-региональные связи	С VII–VI тыс. до второй половины IV тыс. до н. э.	Первая фаза: с VIII–IV тыс. до н. э. – формирование контуров и структуры ближневосточного центра Афроевразийской мир-системы

Окончание табл. 5.3

<i>Тип пространственных связей (уровень глобализации)</i>	<i>Период</i>	<i>Фазы развития Афроевразийской мир-системы</i>
Регионально-континентальные связи	Со второй половины IV тыс. до первой половины I тыс. до н. э.	Вторая и третья фазы: III и II тыс. до н. э. – развитие центров Афроевразийской мир-системы на протяжении бронзового века (вторая фаза). С I тыс. до 200 г. до н. э. – Афроевразийская мир-система как пояс расширяющихся империй и новых цивилизаций (третья фаза)
Трансконтинентальные связи	Со второй половины I тыс. до н. э. до конца XV в. н. э.	Четвертая и пятая фазы: с 200 г. до н. э. до XIV в. н. э. – Афроевразийская мир-система интегрируется степной периферией. Апогей Афроевразийской мир-системы: мировые религии и мировая торговля
Межконтинентальные (океанические) связи	С конца XV в. до начала XIX в.	Шестая фаза: с XV по XVIII в. – трансформация Афроевразийской мир-системы в планетарную Мир-Систему
Глобальные связи	С начала XIX в. до 1960–1970-х гг.	Седьмая фаза: с начала XIX до последних десятилетий XX в. – индустриальная Мир-Система и зрелая глобализация
Планетарные связи	С последней трети XX в. до середины XXI в.	Последующие фазы: зрелая и интегрированная Мир-Система

Процессы объединения обществ начались десятки тысяч лет назад. Поэтому даже для первобытного мира говорить о полной разобщенности невозможно. Имеются многочисленные археологические, палеолингвистические и иные данные о культурно-информационных и материально-обменных контактах уже в верхнем палеолите – на достаточно больших пространствах, насчитывающих сотни и даже тысячи километров. Например, морские раковины с берегов Средиземного моря обнаружены в верхнепалеолитических стоянках Германии, черноморские раковины – в Мезенском поселении на Десне за 600 км от моря и т. д. (см., например: Кларк 1953; Румянцев 1987: 170–171). О еще более обширных сетях взаимодействия в это время свидетельствует сам факт наличия археологических культур, многие из которых охватывали миллионы квадратных километров. Однако по-настоящему о процессах интеграции обществ, приведших к формированию Афроевразийской мир-системы, можно говорить только после начала аграрной революции.

В течение X–VIII тыс. до н. э. на Ближнем Востоке (в районе Плодородного полумесяца – Палестины, Сирии, Северной Месопотамии и Западного Ирана) появляются и распространяются земледелие и скотоводство, в результате чего уровень развития обществ и поселений повышается. В течение VIII–V тыс. до н. э. между различными районами Передней и некоторых других регионов Азии, Северной Африки и частично Европы устанавливаются достаточно эффективные информационные, культурные и даже торговые связи (см. ниже).

В IV–III тыс. до н. э. сначала в Южной Месопотамии, а затем и в других областях Ближнего Востока возникает множество городов. Появляется письменность. В это же время в Египте и Месопотамии осуществляется переход к широкомасштабному ирригационному земледелию и новым технологиям обработки почвы (об этих и других упомянутых ниже инновациях см. подробнее: Гринин, Коротаев 2009а; Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2015а; Дьяконов и др. 1983а; Дьяконов 2000а; Grinin *et al.* 2020а; 2020b). На этой базе формируются первые ранние государства и цивилизации (см., например: Гринин 2010г; 2011а; Дьяконов 1994; 2000б; Grinin, Korotayev 2012b). В это время достаточно синхронно начинают широко внедряться важнейшие технологические инновации: коле-

со, плуг, гончарный круг, упряжь. Появление меди и бронзы расширяет военные возможности, начинается борьба за гегемонию (о циклах борьбы за политическую гегемонию подробнее см.: Frank 1993; Frank, Gills 1993; Modelski, Thompson 1996; Thompson 1988; см. также: Гринин 2016б). Новые цивилизационные центры возникают за пределами Переднеазиатского центра (например, минойская и хараппская цивилизации).

Политика как особая сфера отношений, связанная с распределением власти (Смелзер 1994), возможно, существовала с момента верхнепалеолитической революции. Политическая сфера стала отделяться от остальных на уровне сложных обществ (Гринин, Коротаяев 2009а; Гринин 2011а; Grinin, Korotayev 2009а; Grinin 2009а; 2012а). При этом внешняя политика, то есть отношения между самостоятельными обществами, едва ли не древнее политики внутренней²⁰. Но очевидно, что отношения между государствами могли возникнуть только после того, как сложилась какая-то система ранних государств, а произошло это лишь в начале III тыс. до н. э. В конце данного тысячелетия появились уже первые крупные и организованные государства. С этого времени можно говорить о циклах политической гегемонии и перманентной борьбе за лидерство (Frank, Gills 1993; см. также: Chase-Dunn *et al.* 2010). Одна за другой сменяют друг друга ранние империи, период реальной гегемонии каждой из которых не превышает 100 лет: Аккадское царство Саргонидов (XXIV–XXII вв. до н. э.), государство III династии Ура (XXII–XX вв. до н. э.), Старовавилонское царство (XIX–XVII вв. до н. э.). В те времена данный регион представлял собой наиболее передовую (и наиболее значительную) часть культурной ойкумены. Поэтому столкновения в его пределах вполне можно рассматривать как предтечу борьбы за мировой порядок. Наиболее известными эпизодами этой борьбы в центре Афроевразийской мир-системы были борьба между Египтом Нового царства, Митанни, Ассирией и Хеттским царством (середина и вторая половина II тыс. до н. э.)²¹; возвышение Новоассирийской империи (VIII–VII вв. до н. э.), образование коалиции против Ассирии (Египет, Нововавилонское царство, мидийцы), а также разгром Ассирии и разрушение ее столицы Ниневии в конце VII в. до н. э. После этого на арену вышло сначала Мидийское царство (673–550 гг. до н. э.), а затем и Персидская империя Ахеменидов (550–331 гг. до н. э.). Борьба за гегемонию во многом способствовала развитию государственности и ее распространению, а также созданию государств нового типа (развитых государств; см.: Гринин 2010з).

Политическую карту постоянно меняют нашествия кочевников (гутиев, амореев, гиксосов и др.). В III тыс. до н. э. возникают и развиваются новые цивилизации (критомикенская, индская [Мохенджо-Даро и Хараппа]). Несколько позже, во II тыс. до н. э., новый мир-системный центр появляется на Дальнем Востоке (первое китайское государство Шан-Инь). В целом в результате указанных процессов границы Мир-Системы колоссально расширяются. В течение I тыс. до н. э. борьба за гегемонию выходит далеко за рамки Ближнего Востока. В греко-персидских войнах в V в. до н. э. впервые столкнулись Европа и Азия. Здесь кстати отметить, что длительное время борьба за гегемонию практически не имела идеологического характера, являясь лишь показателем успехов того или иного правителя, его величия. С греко-персидских войн появляется идея противопоставления Азии и Европы, а позже – цивилизации и варварства (доктрина, нашедшая наивысшее идеологическое выражение сначала в средневековом Китае, а затем в идеологии колониализма). Важную роль начал играть также фактор идеологический. Длитель-

²⁰ О войнах в примитивных обществах см., например: Keeley 1996.

²¹ В итоге сложных политических событий Митанни и Хеттское царство исчезли с политической карты, а Египет Нового царства в конце II тыс. до н. э. ослабел и стал терять территории. Отметим, что эта борьба вела к быстрому распространению инноваций, в частности металлургии железа в конце II и первой половине I тыс. до н. э. К сожалению, с самых древних времен и по сию пору складывается практика, когда ожесточенная борьба на внешних театрах является двигателем технического прогресса.

ное время борьба за гегемонию практически не имела идеологического характера, являясь лишь показателем успехов и величия того или иного правителя.

Идеологическая борьба становится важной частью внешнеполитической деятельности уже в начале нашей эры²², но особенно в результате противостояния ислама и христианства. Среди политических идей нельзя не отметить разработку проблемы легитимности политического порядка в государстве, частично объясняющей внешнюю политику. Эти и другие принципы постепенно институционализируются, и в Новое время они начинают закладываться в основу политического порядка (см. подробнее в *Главе 2*; см. также: Гринин 2016б).

С завоеваний Александра Македонского возникла идея мирового государства, которая время от времени вдохновляла завоевателей (последними из которых вплоть до Нового времени были Чингисхан и Бату-хан), принесла много страданий, но в то же время способствовала сближению цивилизаций и народов.

Поход Александра Македонского в конце IV в. до н. э. сократил первую в истории мировую державу (государство Ахеменидов) и создал (правда, ненадолго) еще более обширную, действительно Афроевразийскую империю, расположенную в трех частях света на двух континентах. Разделившаяся держава Александра Македонского создала мир эллинистических империй, соперничавших между собой вплоть до завоевания большинства из них Римом. В конце I тыс. до н. э. образуются новые крупные государства: Римская республика, Кушанская и Китайская империи (Цинь, потом Хань). Затем между Западным и Восточным концами Мир-Системы устанавливается новый, небывалый по длине торговый (Шелковый) путь.

Появление крупных держав и цивилизаций ведет к их противостоянию с кочевым миром. Именно кочевники оказываются способными к объединению наибольших территорий. Появляются, говоря современным языком, нации-армии. Борьба оседлых и кочевых политий, таким образом, стала одним из важнейших процессов, вокруг которых строились контуры политической карты Мир-Системы (см. об этом: Коротаев, Гринин 2008; Гринин, Коротаев 2009а; Grinin, Korotayev 2013а; 2013b; 2014а).

В I тыс. до н. э. и начале I тыс. н. э. в связи с изменениями климата и в результате важных технических инноваций (седло, стремя и др.) формируется новый тип кочевых обществ, способных преодолевать на лошадях огромные расстояния и быстро превращаться в мобильную армию. В результате обширнейший массив евразийских степей стал кочевой периферией Мир-Системы.

В первые века нашей эры в итоге массовых переселений и военных вторжений народов варварской периферии этническая и культурная картина в Мир-Системе значительно изменилась. Западная Римская империя исчезла под ударами варваров. Еще ранее произошел коллапс империи Хань в Китае. В итоге бурных событий в Мир-Системе (в Европе, Африке и Азии) появляется множество новых государств, в том числе и имперского типа (Франкская, Византийская империи, государство Сасанидов, империя Гуптов в Индии, империя Тан в Китае), часть из которых (как тюркские каганаты) играла роль торговой связки между Востоком и Западом.

В I тыс. н. э. возникли и/или стали распространяться мировые религии (включая конфуцианство). Буддизм широко распространялся в различных регионах Южной, Юго-Восточной и Восточной Азии (включая Китай, Японию, Корею и Тибет). Конфуцианство

---

²² Так, сасанидские правители в Персии начинают активно покровительствовать зороастризму, преследовать манихеев и затем христиан (Петрушевский 1977; Грантовский 1987; Ацамба и др. 1987). Христианские правители начинают распространять христианство и преследовать еретиков; но особенно заметным это стало с VII в. и распространения ислама. Идеологический фактор, таким образом, включается в качестве постоянного и важного в процесс влияния на формирование международного порядка. Он и сегодня властно напоминает о себе, хотя и не является первичным источником конфликта в мире после холодной войны, как нередко трактуют идеи С. Хантингтона (1994; 2003а).

стало преобладать в Восточной Азии и некоторых областях ЮВА. Христианство охватило всю Западную и Восточную Европу, Ближний Восток и Северную Африку. Наконец, с VII в. взрывным образом стал распространяться ислам, охвативший всю Переднюю Азию и часть Африки. Возник огромный Исламский халифат. Он быстро распался, однако оставил мощную систему взаимосвязей в исламском мире (см., например: Korotayev 2003; Korotayev, Klimentko, Proussakov 1999; 2003).

Важнейшими мир-системными событиями стали крестовые походы XI–XIII вв., открывшие на многие века канал торговли пряностями из Индии в Европу. Образование небывалой по размерам Монгольской империи в XIII в. обеспечило приток важнейших инноваций в Европу²³ и создало ранее невиданный по масштабам и эффективности торговый путь туда из Китая. Но, что более важно в свете темы следующей части монографии, именно монголы внесли, по выражению Ж. Ле Гоффа (2014), последний штрих в картину выстраивания европейского самосознания, противопоставляющего себя Востоку и восточным варварам.

Варварская полупериферия оказалась включенной в цивилизационную среду (конфуцианства и ислама), что способствовало мощному проникновению мир-системных связей далеко на север Евразии и вглубь Африки.

Важным событием также было включение Южной Азии в более тесные контакты с другими частями мир-системы за счет постепенного установления там власти мусульман и частичной исламизации населения. В XV в. в Передней Азии появляется новая политическая и военная сила – Османская империя, которая в начале XVI в. сменила в регионе власть египетских мамлюков. Турки «перекрыли» левантийскую торговлю пряностями и ускорили поиск морского пути в Индию.

Новые качественные изменения в Афроевразийской мир-системе были связаны с началом ВГО. В результате этих открытий Афроевразийская мир-система трансформировалась в планетарную капиталистическую Мир-Систему, что ознаменовало начало качественно новой фазы в истории глобализации.

Отметим также африканское направление расширения Мир-Системы. Северо-Восточная Африка (Египет) была одним из древнейших и важнейших регионов земледелия, цивилизации, периодами – одним из важных центров Мир-Системы (о связях Ближнего Востока, Египта и Африки начиная с глубокой древности см.: Manning 2014; 2016; Anderson 2016). В результате усилий сначала Египта, затем Карфагена и Рима Мир-Система постепенно продвигалась на юг и запад Африки. Не следует также сбрасывать со счетов эффект внутриафриканских миграций и диффузии инноваций (в результате которых культура железа стала знакомой почти на всем континенте). Благодаря распространению ислама и торговле арабских купцов в Индийском океане в Африке росло число мусульманских обществ, а контакты с внутренней Африкой расширялись. В результате открытия морского пути в Индию вокруг Африки и развития трансатлантической работорговли почти весь континент оказался связан с европейской экономикой. Но некоторые внутренние районы были окончательно включены в глобальные связи только в конце XIX в. и даже в XX в., то есть они инкорпорировались уже в глобальную Мир-Систему.

2. Мир-системные процессы и связи

Системность и особенности процессов. Мир-системные процессы и трансформации могут быть намного лучше поняты, если принимать во внимание свойства систем. Таким образом, в Мир-Системе проявляется фундаментальное качество системы, согласно которому целое не равно сумме его частей²⁴.

²³ Об этом см. подробнее в *Главе 4*; о китайских успехах в науке и технике см.: Еремеев 2014.

²⁴ Эта идея также может быть передана с помощью термина «эмерджентность» (“emergence”), который в теории систем (и теории организации) означает степень несводимости свойств системы к свойствам эле-

Очень интересной формой проявления системных качеств выступают синхронные явления, происходящие в разных частях Мир-Системы. Например, отмечена синхрония в росте и уменьшении населения в крупнейших городах с 500 г. до н. э. до 1500 г. н. э. в Западной и Восточной Азии (Chase-Dunn, Manning 2002; Chase-Dunn *et al.* 2010). Подобная синхрония имеется и в отношении размеров территорий крупнейших империй (Hall *et al.* 2009). Т. Барфилд (Barfield 1989) доказывает, что большие конфедерации кочевников имели циклы роста и ослабления, синхронные соответственно с подъемами и падениями больших аграрно-ремесленных государств, на которые они совершали набеги. Эти циклы имеют гипотетический механизм системных связей между Восточной и Западной Азией (Barfield 1989). На синхронные явления указывают также исследователи бронзового века и предшествующих ему периодов (см. об этом, например: Frank 1993). К числу важных синхронных явлений в Мир-Системе можно отнести и такие феномены, как «осевое время» в I тыс. до н. э. (Ясперс 1994), совершение так называемой пороховой и военной революций (Downing 1992), что привело к формированию нового типа армий (Макнил 2008) и нового типа государственности в Европе и Азии в конце XV – XVI в. н. э. (см.: Гринин 2010г; Гринин, Коротаев 2009а; Grinin 2008а), что оказало колоссальное влияние на формирование современной Мир-Системы и процессы глобализации в целом.

При рассмотрении общих тенденций развития Афроевразийской мир-системы необходимо отметить три момента:

а) переход мир-системы на новый уровень вызывает эффект распространения (путем заимствования, модернизации, насильственной трансформации и интеграции и т. д.) новых явлений на территории, которые оказываются не готовы к самостоятельной трансформации в соответствующем направлении. Это наглядно видно во множестве процессов, которые обеспечивали развитие Афроевразийской мир-системы, в частности распространение государственности на территории, еще не дозревшие до самостоятельного перехода к государству; насильственное перемещение народов; распространение мировых религий и т. п. Таким образом, процесс изменений существенно ускоряется;

б) рост Афроевразийской мир-системы обеспечивался угнетением определенных ее частей, и наоборот – расцвет тех или иных обществ приводил к временному снижению уровня развития мир-системы (как, например, было в первое время после монгольских завоеваний);

в) все процессы в Афроевразийской мир-системе были резко усилены миграциями, которые создали многочисленные и сложные связи между самыми разными частями мир-системы. Это характерно уже для ранних периодов (см., например: Березкин 2007: 91; Frank 1993). А. Г. Франк (Frank 1993) и другие исследователи даже говорят о «миграционных системах». Но наиболее мощные перемещения относятся к III–VII вв. н. э. Отметим также обмен информацией, который имел место в ранние периоды мир-системы на Ближнем Востоке (см. подробнее: Lamberg-Karlovsky, Sabloff 1979; Ламберг-Карловски, Саблов 1992; Бондаренко 2006).

Важнейшие типы мир-системных связей. Переход мир-системы на каждый новый уровень развития был неизбежно связан с расширением и укреплением коммуникативных связей и сетей. К. Чейз-Данн и Т. Холл (Chase-Dunn, Hall 1997) выделяют следующие основные типы мир-системных пространственных связей: обмен массовыми товарами, обмен престижными товарами, военно-политическое взаимодействие и информационный обмен. Но при этом они отмечают, что мировые религии были важными инновациями в информационной сети и представляли новые техники идеологической власти. Поэтому нам представляется, что в «информационном обмене» стоило бы выделить культурно-цивилизационное (идеологическое) взаимодействие в качестве особого типа

ментов, из которых она состоит; свойство систем, обуславливающее появление новых характеристик и качеств, не присущих элементам, входящим в состав системы.

связей, поскольку оно существенно отличается от обычных информационных потоков²⁵. Культурно-идеологическая коммуникация была важнейшей для Афроевразийской мир-системы, по крайней мере в период ее зрелости. В частности, с VIII в. н. э. все ее цивилизованные территории (за исключением части Южной Азии) представляли собой активно взаимодействующие культурные ареалы мировых религий (о влиянии мировых религий на эволюцию Афроевразийской мир-системы см., например: Korotayev 2000; 2003; 2004; Гринин 1998; 2006).

В самом конце VII тыс. до н. э. иссушение климата, по-видимому, привело к гибели культуру докерамического неолита, хотя не исключено, что сами ранненеолитические земледельцы истощили экологические системы (см., например: Kuijt 2000). В любом случае этот кризис не привел к крушению нарождающуюся Мир-Систему, а, напротив, вероятно, заставил ряд групп мир-системного ядра переселиться в более благоприятные районы средиземноморского побережья, в то время как другие двинулись на север в лесостепные зоны, а оставшиеся, вполне возможно, перешли к полукочевому скотоводству (Ковэн 1989: 191). Начавшие просачиваться обратно в Палестину через полтысячи лет группы развивались здесь, уже будучи обогащенными новой культурой и технологией (Ламберг-Карловски, Саблов 1992: 82). Таким образом, зона Мир-Системы несколько расширилась, миграции способствовали увеличению размеров ареала высокой культурной сложности и обмену информацией, наметилось некоторое общественное разделение труда.

Развитие торговых связей. Уже в рамках зарождающейся Афроевразийской мир-системы (то есть в районе Плодородного полумесяца) имела место крупномасштабная по тем временам торговля, причем именно стратегическими и важными хозяйственными товарами. В частности, с Анатолийского плато обсидиан, пользовавшийся большим спросом для изготовления каменных орудий, широко распространялся по всему Ближнему Востоку, по крайней мере, уже в VII тыс. до н. э. Вероятно, также торговали продуктами питания, кожей и текстилем (Ламберг-Карловски, Саблов 1992: 87). Как бы мы ни оценивали хозяйственную важность такого обмена, несомненно, что система налаженного обмена информацией была достаточно интенсивной. Помимо трех главных ближневосточных центров (Загроса, Палестины и Анатолии) поддерживалась прямая или опосредованная связь с Северной Африкой и Туркменией (Ламберг-Карловски, Саблов 1992: 86, 95; о широких культурных связях этого региона, например, в VII тыс. до н. э., см. также в работе Н. О. Бадера [1989: 228, 233, 262]).

В работе Е. Н. Черных (Chernykh 1992) приводятся сведения о широкомасштабной торговле металлами в V–IV тыс. до н. э. Также имелся пояс обществ, удивительно сходных в уровне и характере культурной сложности, протянувшийся от Балкан до окрестностей края долины Инда (см., например: Peregrine, Ember 2001a; 2001b; Peregrine 2003). Еще больше свидетельств о широкомасштабной торговле в III–II тыс. до н. э. (Wilkinson 1987; Frank 1993). В I тыс. до н. э. торговля на дальние расстояния, включая морскую, получила еще большее развитие (Chase-Dunn, Hall 1997)²⁶.

Глобальные коммуникации I – начала II тыс. н. э. Во второй половине I тыс. н. э. в бассейне Индийского океана от восточного побережья Африки до Индонезии, Юго-Восточной Азии и Китая сложился прообраз будущей Мир-Системы, связанной океанами. В этой широкой международной торговле играли важную роль персидские, арабские, индийские и другие купцы. Важно отметить, что торговля в этом регионе не ограничивалась только предметами роскоши, а включала также много тяжелых и объемных грузов,

²⁵ Данное разделение имеет такой же смысл, как различие обмена престижными и массовыми товарами.

²⁶ Один только факт путешествия морским путем вокруг Африки в 600 г. до н. э. при фараоне Нехо II свидетельствует о прекрасном развитии коммуникации.

таких как финики, строительные материалы, строевой лес и др. (Bentley 1996a; Chew 2014; 2016; Boussac, Salles, Yon 2015).

В XIII–XIV вв. создается и функционирует мощный сухопутный торговый путь через территории монгольских государств, реально связавший после некоторого перерыва основные зоны Мир-Системы. Эта мир-системная торговля, по мнению Дж. Абу-Луход (Abu-Lughod 1989), была существенно сложнее организована, имела больший объем и действовала с большей изощренностью, чем какая-либо другая, существовавшая ранее.

3. Генезис и трансформации мир-системы

Дискуссия о времени возникновения Афроевразийской мир-системы. Как уже было сказано, по поводу времени формирования Афроевразийской мир-системы имеется множество точек зрения. Так, например, А. Г. Франк и У. Томпсон относят это начало к IV–III тыс. до н. э., Д. Вилкинсон и Ю. Е. Березкин – ко II тыс. до н. э. Мы относим ее начало к намного более раннему периоду (Korotayev, Grinin 2006; 2012a; Гринин, Коротаев 2009a; Grinin, Korotayev 2012c; 2014c; 2018). К. Чейз-Данн и Т. Холл полагают, что она реально существовала только в конце I тыс. до н. э.

Подходы к решению этого вопроса очень сильно зависят от того, какие критерии для определения мир-системы используются: массовых товаров (более жесткий критерий), престижных товаров (средний критерий), информационных потоков (мягкий критерий). Чем жестче подход, тем ближе к современности дата ее формирования. Но ситуация с датировками существенно меняется также в зависимости от взгляда на генезис этой мир-системы. Если предполагать, как Чейз-Данн и Холл (Chase-Dunn, Hall 1997: 150), что к моменту открытия Шелкового пути имелись три главные независимые мир-системы (Западноазиатская, Китайская и Южноазиатская), которые затем инкорпорировались в одну мир-систему, то возникновение единой Афроевразийской мир-системы логично отнести к концу I тыс. н. э. Но если исходить из того (а для этого есть очень веские основания), что Западноазиатская мир-система была изначально технологически, социально и экономически лидирующей, более инновационной и именно ее рост дал наибольший вклад в процессы инкорпорации в рамках Афроевразии, то генезис Афроевразийской мир-системы удаляется в прошлое на тысячелетия²⁷.

Но в любом случае, к какому бы времени ни относилось начало Афроевразийской мир-системы, ясно, что корни ее формирования лежат достаточно глубоко, достигая начала аграрной революции в X–VIII тыс. до н. э.

В этом длительном процессе ее генезиса, формирования и трансформации можно выделить несколько значимых этапов, которые также можно связать с масштабами контактов.

Формирование контуров и структуры Ближневосточного региона, одного из главных центров будущей Афроевразийской мир-системы, относится примерно к периоду VIII–IV тыс. до н. э. Это время завершения первого этапа аграрной революции на Ближнем Востоке²⁸. В данный период начались процессы формирования среднесложных ранних аграрных обществ и политических, местами и относительно сложных политических, а также поселений, которые в отношении их размера и структуры уже напоминали города (см., например: Kenyon 1981; Wenke 1990: 325; Schultz, Lavenda 1998: 214; см. также: Grinin,

²⁷ Стоит также учесть, что именно на Ближнем Востоке впервые состоялся переход к злаковому земледелию, широкомасштабному интенсивному (поливному) земледелию, городским поселениям, металлургии, многим военным инновациям, письменности, государству, империям.

²⁸ Второй этап аграрной революции занял в пределах всей Афроевразийской мир-системы около трех тысячелетий (IV–I тыс. до н. э.). Первоначально он был связан с формированием широкомасштабного ирригационного земледелия на Ближнем Востоке, а затем плужного пашенного (интенсивного) земледелия в зонах неполивного земледелия и твердых почв (см.: Гринин 2006a; 2007б; 2009б; Гринин, Коротаев 2009a: гл. 6; Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2015a).

Korotayev 2011b). Эти процессы сопровождались формированием сверхдальних по тем временам и достаточно постоянных информационно-обменных (в широком смысле слова) контактов.

В V тыс. до н. э. в Южном Двуречье развивается Убейдская культура. Позже из Убейдской культуры вырастает Урукская, которая характерна наличием значительного числа достаточно крупных поселений. Сам город Урук в конце IV тыс. до н. э. представлял собой гигантский по тем временам городской центр, по некоторым данным, имевший площадь от 70 до 200 га, с населением от 20 до 40 тыс. человек (Bernbeck, Pollock 2005: 17; Algaze 2013: 74). В рамках Убейдской и Урукской культур в дальнейшем в значительной мере формируется материальная и социальная основа Шумерской цивилизации.

В конце этого периода происходит городская революция (термин введен Г. Чайлдом, см.: Childe 1950; 1952: Ch. 7), которая означала, по мнению Ю. Березкина (2007), выход общества на качественно новый уровень сложности, демографической плотности и технической оснащенности. Возникают уже урбанизированные общества (см., например: Adams 1966; 1981; Bernbeck, Pollock 2005: 17; Pollock 2001: 45; Rothman 2004). В конце IV тыс. до н. э. появляются первые ранние государства и их аналоги (Гринин и др. 2006; Гринин 2011a; Grinin 2008a) и цивилизации. Но заметим, что сама возможность городской революции была подготовлена началом завершающей фазы аграрной революции (Гринин 2006a; Гринин, Коротаев 2009a; Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2015a) и связанными с нею демографическими изменениями.

В целом в этот период масштабы связей можно оценить как локально-региональные, однако к концу периода они начинают перерастать в межрегиональные и регионально-континентальные.

Развитие центров Мир-Системы в бронзовом веке (III–II тыс. до н. э.). Это был период развития интенсивного сельского хозяйства и ускоренного роста населения Мир-Системы. Процесс урбанизации происходил достаточно быстро во второй половине IV – первой половине III тыс. до н. э., затем замедлился и оставался сравнительно медленным вплоть до начала I тыс. до н. э. (см. Рис. 1.1; см. также: Коротаев 2007; Коротаев, Гринин 2007; Гринин, Коротаев 2009a; Korotayev, Grinin 2006; 2013), что было во многом связано, говоря словами А. Л. Оппенгейма, с непрерывным противоборством анти- и проурбанистических тенденций.

Не менее важным итогом этого периода является рост политической интеграции обществ, что было следствием очень сложных военно-политических и иных взаимодействий. Во-первых, происходил рост уровня сложности государственности: от городов и малых политий к крупным ранним и развитым государствам. Во-вторых, появились первые империи. Напомним, что в конце III – II тыс. до н. э. в Месопотамии сменяют друг друга Аккадское царство, государство III династии Ура, Старовавилонское царство, Ассирийская держава. В-третьих, процессы подъемов и упадка политической гегемонии отчетливо видны уже с III тыс. до н. э. (Frank, Gills 1993; см. также: Chase-Dunn *et al.* 2010), но пока еще в масштабах Междуречья и Египта (см. выше).

Система торговли престижными товарами в рамках Переднеазиатского региона достигает высокого уровня и нередко поддерживается государствами. Через Персидский залив устанавливаются торговые связи с Южной Азией. В Восточную Азию из Западной проникают ключевые сельскохозяйственные технологии: злаки и виды крупного и мелкого рогатого скота, а также, возможно, металлургические, транспортные и военные технологии (см., например: Березкин 2007). Таким образом, в Южной Азии и на Дальнем Востоке формируются новые мир-системные центры, которые будут развиваться в течение всей последующей истории Афроевразийской мир-системы. Между всеми центрами

существовали масштабные коммуникационные связи, но лидерство Переднеазиатского центра (в технологиях и политическом уровне) сохранялось достаточно долго.

Таким образом, масштабы стали не только межрегиональными, но вполне ясно наметились контуры трансконтинентальных связей.

Расширяющийся пояс империй и новых цивилизаций (I тыс. до н. э. – 200 г. до н. э.). Это время раннего железного века, и новые технологии принесли огромные изменения. Уже в первой половине I тыс. до н. э. аграрная революция окончательно завершается за счет распространения технологии плужного неполивного земледелия с использованием орудий, имеющих железные рабочие части (см.: Korotayev, Grinin 2006; 2012a; Grinin Л. Е., Grinin А. Л. 2015a). А на сформировавшейся сельскохозяйственной и производственной базе происходят огромные изменения в торговле, военно-политической сфере, начинается новый подъем урбанизации и государственности (появляется группа развитых государств; см. подробнее: Grinin 2010z; Grinin 2008a; Grinin, Korotayev 2009a). В Афроевразийской мир-системе постоянно расширяется пояс империй: Нововавилонская, Мидийская, Персидская, Македонская (и ее наследники: государство Селевкидов, Греко-Бактрийское царство, Птолемеевский Египет и др.) – в центре; империя Маурьев – на юге Индии, Карфагенская держава – на западе. Конец периода знаменуется формированием крупных государств-империй на крайнем западе (Римская республика) и крайнем востоке (первое централизованное государство в Китае) Афроевразийской мир-системы. Устанавливаются торговые связи от Египта до Афганистана и долины Инда, и в целом вся территория оказывается связанной военно-политически. Это также формирование цивилизаций второго поколения («осевого времени», по К. Ясперсу). Происходит быстрое развитие всех мир-системных центров. Переднеазиатский центр окончательно интегрируется со средиземноморским миром, а европейские территории варварской периферии все активнее связываются с мир-системой военными, торговыми и культурными связями. В Южной Азии формируются новая цивилизация и первая мировая религия – буддизм. Торговые связи устанавливаются на территории, протянувшейся от Египта до Афганистана и долины Инда (см., например: Bentley 1996a). Создаются также новые политические структуры, включая появление первых крупных государств и империй.

С периода греко-персидских войн появляется идеологическая модель борьбы между культурным центром и варварской периферией (доктрина, нашедшая последовательное идеологическое выражение сначала в средневековом Китае, а затем в идеологии колониализма). Идеологическая борьба становится важной частью внешнеполитической деятельности уже в начале нашей эры²⁹, но особенно усиливается в результате противостояния ислама и христианства. Идеологический фактор, таким образом, включается в качестве постоянного и важного в процесс социальной эволюции, становясь все более важным.

Восточноазиатский центр Афроевразийской мир-системы также развивался очень быстро. Этот период стал свидетелем рождения собственной квази-религии этого центра – конфуцианства. В целом наблюдалось быстрое развитие всех мир-системных центров. Западноазиатский центр был в итоге инкорпорирован в Средиземноморский, тогда как варварские в то время территории европейской периферии стали более активно соединяться с этим мир-системным центром военными, торговыми и культурными связями.

Масштабы, сложность и плотность связей в рамках мир-системы продолжали расти, приобретая континентальные и трансконтинентальные масштабы.

Мир-система в период активизации варварской периферии (конец I тыс. до н. э. – начало VII в. н. э.). В этот период связи в мир-системе стали транс(над)континентальными и глобальными в вышеуказанном узком смысле слова.

²⁹ Так, сасанидские правители в Персии начинают активно покровительствовать зороастризму, преследовать манихеев и затем христиан (Петрушевский 1977; Грантовский 1987). Христианские правители начинают распространять христианство и преследовать еретиков и т. д.

Образование мировых империй в районе Ближнего и Среднего Востока как наиболее важной части ойкумены прекращается к нашей эре. Цивилизации расходятся на Запад и Восток, образуя на их дальних рубежах две наиболее крупные системы порядка: Римскую империю, которая становится образцом (*Pax Romana*), и Китай³⁰.

Рим и Китай в районе 200 г. до н. э. устанавливают относительно устойчивые торговые связи (престижными товарами) через знаменитый Шелковый путь, проходивший на протяжении длительного времени по территории кочевой периферии и полупериферии³¹. Таким образом, в этот период периферия как бы замкнула торговые связи в Мир-Системе. Рост Афроевразийской мир-системы длительное время происходил в значительной мере за счет расширения взаимодействия между цивилизациями и варварской периферией. Чем больше становилась организованная цивилизация (в виде крупных государств), тем активнее действовала и периферия. В указанный период данный процесс резко усилился, и в эпоху Великого переселения народов сама варварская периферия приобрела мир-системный масштаб и синхронность влияния. Распад Западной Римской империи, ослабление Восточной Римской империи, быстрое распространение христианства на западе Мир-Системы и новый подъем китайской империи на востоке подготовили Мир-Систему для серьезных геополитических изменений и ее перехода на новый уровень сложности. С другой стороны, рост населения Афроевразийской мир-системы в конце I тыс. до н. э. до девятизначных цифр усилил уровень патогенной угрозы. Эта угроза реализовалась в Антониновой и Юстиниановой пандемиях, ставших причиной катастрофической депопуляции Афроевразийской мир-системы во втором и шестом столетиях н. э. Это в дополнение к стремительному натиску варваров в весьма значительной степени повлияло на замедление экономического роста в ней в течение I тыс. н. э.

Апогей Афроевразийской мир-системы: мировые религии и мировая торговля (VII–XIV вв.). В этот период, во-первых, уровень развития мир-системных связей на аграрно-ремесленном базисе достигает предела своей сложности, а во-вторых, складываются важные предпосылки трансформации Афроевразийской мир-системы в капиталистическую и планетарную Мир-Систему.

В отношении первого момента особо отметим: а) формирование и развитие всех мировых религий. В определенном аспекте Мир-Система представляла собой контактирующие и соперничающие цивилизации третьего поколения, что создало прочные культурно-информационные связи между всеми центрами Мир-Системы, включая и находившуюся в предыдущий период в относительной изоляции Южную Азию; б) невиданный размах военно-политических контактов и рост уровня государственности.

В отношении второго момента следует выделить: а) формирование океанических торговых связей во второй половине I тыс. н. э. в бассейне Индийского океана (см. выше); б) создание мощного сухопутного торгового пути через территории монгольских государств, реально связавшего Мир-Систему (см. выше); в) формирование в конце периода урбанизированной зоны от Северной Италии до Нидерландов, где преобладающей формой экономики становится тип товарного производства (см., например: Бернал 1956; Wallerstein 1974).

Уже к 1500 г. в Европе насчитывалось свыше 150 городов с населением в 10 тыс. и более человек (Blockmans 1989: 734). Очень высокий уровень урбанизации имел место в будущей Голландии, на территории которой уже в 1514 г. более половины населения жило в городах (Hart 1989: 664). Впрочем, такой же или даже более высокий уровень урбанизации наблюдался в Южных Нидерландах (Брюгге, Гент и Антверпен), еще выше –

³⁰ Затем в первой половине I тыс. н. э. мы видим временный период крушения порядка и медленное создание нового, уже скорее на идеологических основаниях, как в Европе, так и на Среднем Востоке.

³¹ Этот путь просуществовал с перерывами в течение более полутора тысяч лет. В первые века нашей эры он проходил и по территории Кушанского царства, одного из самых крупных государств того времени.

в Северной Италии в долине реки По и примыкающих областях, где находились Венеция, Милан и Генуя (Blockmans 1989: 734). Можно полагать, что рост городов в этот период был усилен политическими процессами начиная с XII–XIV вв., особенно становлением развитой государственности и связанным с этим появлением столиц развитых государств (см., например: Grinin 2008a; 2012a; Korotayev, Grinin 2013; Гринин, Коротаев 2009a: гл. 6), ростом городов всех типов, включая и сверхкрупные (об урбанизации в Европе и ее роли в переходе к капитализму см. в *Главе 4*; см. также: Grinin, Korotayev 2015: ch. 2).

Трансформация Афроевразийской мир-системы в планетарную Мир-Систему (XV–XVIII вв.). Великие географические открытия обозначили новые векторы в процессе формирования мирового порядка. Во-первых, арена реально расширилась до глобальной. Во-вторых, началось формирование особого типа колониализма как источника производственных накоплений метрополии, что характеризовало мировую политику в течение последующих четырех с половиной веков. В-третьих, начинается формирование центра и периферии Мир-Системы, то есть модели, которая не утратила своего значения во внешней политике до сих пор.

Период XV – начала XVIII в. связан с начальной фазой промышленной революции (см.: Гринин 2007e; Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2015a; Grinin, Korotayev 2015) и Великими географическими открытиями, что дало мощнейший толчок коренной трансформации Афроевразийской мир-системы (см.: Knowles 1937; Dietz 1927; Henderson 1961; Phyllis 1965; Cipolla 1976; Stearns 1993; 1998; Lieberman 1972; Mokyr 1985; 1993; More 2000; Grinin 2007b; 2012a; Grinin, Korotayev 2015; Сабо 1979; Кларк 2012; Аллен 2013; 2014; Pomeranz 2000; Голдстоун 2014; Гринин, Коротаев 2009a: гл. 2; Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2015a)³². Она начинает превращаться в планетарную и одновременно капиталистическую Мир-Систему уже по Валлерстайну (Wallerstein 1974), поскольку все активнее происходит обмен массовыми товарами. А некоторые территории (особенно в Новом Свете) полностью специализируются на их производстве. О тесной взаимосвязи в рамках сформировавшейся планетарной Мир-Системы в этот период свидетельствует и мощнейший эффект революции цен (первый столь крупного масштаба валютный кризис) в результате массового ввоза в Европу золота и серебра из Нового Света, затронувшей не только Европу, но и Ближний Восток, в частности Османскую империю (см. *Главу 14*).

Но в связи с тем, что в мире еще абсолютно преобладает аграрно-ремесленный принцип производства, одновременно идет развитие до предела некоторых прежних тенденций, особенно в неевропейских центрах Мир-Системы. Восточная Азия в целом и Китай в частности пока еще развиваются в основном по собственной траектории (см. *Главу 14*), демонстрируя несомненные успехи в государственном строительстве, культуре и выдающийся демографический рост. Однако отметим тесную корреляцию между природно-географическим фактором, в частности климатом (и особенно последствиями изменения климата) и демографическим ростом (сокращением роста).

Действительно, для доиндустриальной истории человечества, по всей видимости, прослеживается корреляция между показателем среднегодовой температуры и численно-

³² А. И. Уткин (2003: 181) пишет: «Постепенное сближение стран и континентов покрывает всю историю человечества. Но революционно быстрыми темпами это сближение осуществлялось лишь дважды», на рубеже XIX и XX вв. и в конце 1970-х гг. С первой фразой данной цитаты нельзя не согласиться. Но со второй, с какого бы времени ни отсчитывать глобализацию, согласиться нельзя. Вряд ли Великие географические открытия можно считать постепенным сближением, поскольку потребовалось всего несколько десятилетий, чтобы Новый Свет экономически включился в Мир-Систему (если иметь в виду поставки серебра оттуда. Для организации колониального сельского хозяйства потребовалось больше времени. Но именно поток драгоценных металлов изменил Европу XVI в. в наибольшей степени). Эпоха открытий и изобретений XIX в. также привела к революционным информационным и экономическим сближениям континентов, в частности развитие подводных коммуникаций телеграфа в 1850–1880-е гг. колоссально способствовало движению мирового капитала и развитию мирового рынка акций.

стью населения. При этом радикальные падения показателей среднегодовой температуры коррелировали со значительным сокращением численности населения (или, как минимум, замедлением относительных темпов его прироста) в Европе, Китае, а также во всем мире, в целом (см., например: Малков 2002: 297). С. Ю. Малков дает следующее объяснение этой корреляции: «По-видимому, глобальные потепления в целом по планете приводили к увеличению демографической емкости территорий (улучшая условия выживания при неизменных способах природопользования), что влекло за собой увеличение плотности населения. При похолоданиях, напротив, возникала относительная перенаселенность (повышенная демографическая нагрузка на территорию вследствие уменьшения продовольственной базы из-за снижения урожайности выращиваемых сельскохозяйственных культур), приводившая к массовым миграциям, социальным катаклизмам, войнам с последующим снижением плотности населения...» (Малков 2002: 297).

В Экскурсе 1 мы уделяем этому достаточное внимание на примере социально-демографических вековых циклов Китая.

В XVI–XVII вв. в Европе происходит так называемая военная революция (см., например: Duffy 1980; Downing 1992; Пенской 2005; см. также: Макнил 2008; Вейс 2000: 482 и далее; Гринин, Коротаев 2009а: гл. 5; Grinin 2012а; Zinkina et al., 2019), которая заключалась в создании регулярной наемной армии, вооруженной новейшим огнестрельным оружием и артиллерией, что потребовало реорганизации всей финансовой системы и управления. В результате усиления военной мощи европейских стран и других изменений начинается также процесс модернизации, прежде всего в военной сфере, части государственных и финансовых институтов, некоторых неевропейских государств (Османская империя, Иран, частично империя Моголов в Индии (Frank 1978; 1998; Agoston 2008; Andrade 2016), с одной стороны, и искусственное отгораживание от Европы прочих (Китай, Япония) – с другой (об этих процессах см. в *Главе 2*).

Дальнейшие этапы (конец XVIII – XX в.). Великие географические открытия задали новые векторы процессу формирования мирового порядка. Во-первых, арена реально расширилась до глобальной. Во-вторых, начались формирование и передел колониальных владений, что характеризовало мировую политику в течение последующих четырех с половиной веков. В-третьих, в результате Великих географических открытий и военно-технологического рывка Европы начинает складываться новая структура Мир-Системы, происходит формирование ее центра и периферии, то есть модели, которая не утратила своего значения в глобальной политике до сих пор. Соответственно Европа превращается в ее торгово-капиталистический центр, а прежние мир-системные центры (сначала в Южной, а затем и в Восточной Азии) становятся эксплуатируемой периферией. Таким образом, понятие мир-системной периферии существенно трансформируется. Дальнейшее развитие Мир-Системы связано непосредственно с завершающей фазой промышленной революции (последняя треть XVIII – первая половина XIX в. [см. подробнее: Гринин 2007а; Гринин, Коротаев 2009а; Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2015а; Grinin, Korotayev 2015]). Особенно революционными в развитии мир-системных связей оказались изменения в транспорте и связи. Они способствовали фактическому превращению Мир-Системы, остававшейся все еще преимущественно информационной, в Мир-Систему, обменивающуюся от Атлантики до Тихого океана товарами и услугами, имеющую вместо непостоянных и фрагментарных мощные и постоянные информационные потоки. Мало того, эта Мир-Система стала основываться на международном разделении труда.

Дальнейшее развитие Мир-Системы в XX в. после мировых войн и деколонизации было связано с началом кибернетической (первоначально именуемой научно-технической) революции во второй половине века (см.: Grinin 2012а; Grinin L. E., Grinin A. L. 2013; Grinin et al. 2017а, 2017b; Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2015а; 2015б). В ито-

ге это вместе со множеством других процессов в последние десятилетия привело к быстрому нарастанию и качественному изменению глобализационных процессов, особенно глобальных финансовых потоков (см.: Grinin, Korotayev 2010a; 2010b; Korotayev *et al.* 2011a). В результате мир оказался очень тесно связанным и зависимым от всех своих субъектов, что убедительно подтвердил глобальный финансовый кризис. С конца XX в. представление о том, что в мире началась глобализация (какое бы содержание в это понятие ни вкладывалось), стало общим убеждением.

Приложение

Развитие идей о роли природного фактора

Ранние идеи. Образ природы всегда был важнейшим в духовной жизни общества. Однако осмысление этих взаимоотношений на философско-теоретическом уровне возникло сравнительно поздно. Тем не менее у некоторых древних восточных мыслителей и особенно у античных философов и историков можно обнаружить интересные наблюдения о роли географической среды. Среди античных авторов особо стоит выделить Аристотеля (384–322 гг. до н. э.), Полибия (200–120 гг. до н. э.), Посидония (ок. 135 – ок. 51 гг. до н. э.), а также географа Страбона (64/63 г. до н. э. – 23/24 г. н. э.), врача Гиппократ (460–370 гг. до н. э.) и архитектора Витрувия (I в. до н. э.). Античные авторы отмечали влияние окружающей среды и особенно климата на физический тип народов, их обычаи и нравы, уровень развития общества и его политические формы, виды занятий, численность населения. При этом природа Греции и Средиземноморья считалась наиболее благоприятной для жизнедеятельности людей. Ряд идей античных авторов, особенно о влиянии климата на характер населения и его обычаи, были развиты в Новое время Ж. Боденом и Ш. Монтескье.

В Средние века проблеме роли географической среды уделялось очень мало влияния в связи с господством теологии истории. Исключение составил, пожалуй, только **Ибн Халдун** (1332–1406), выдающийся арабский историк и социолог, и некоторые китайские авторы. Ибн Халдун объяснял различия в жизни, быте, психическом складе, характере и обычаях тех или иных племен и народов различиями в природных, главным образом климатических, условиях их существования.

Возврат к проблеме роли географической среды. Только работа **Жана Бодена** (1530–1596) «Шесть книг о государстве» ввела вопрос о роли географического фактора в арсенал теории истории, хотя по-настоящему важным для нее этот вопрос стал только в течение XVIII–XX вв. Во взглядах Бодена, как и его античных предшественников, много наивного и неверного³³. Но важно, что он впервые достаточно подробно и систематически рассмотрел вопрос о влиянии природы на общество, высказав следующие идеи, которые были развиты в XVII–XVIII в.:

1. **Обусловленность психического склада народа совокупностью естественно-географических условий, в которых этот народ развивается.** Боден делит народы на северные, южные и обитающие в средней полосе, он отдает предпочтение психическому складу последних.

2. **Зависимость законов и учреждений от климата.** Боден считал, что законодательство в огромной степени зависит от географических условий, так как разная природа требует разных социально-политических учреждений.

³³ Так, например, он утверждает, что города, которые построены на плоском месте, меньше подвержены междоусобиям, чем города, которые построены на холмистых местах. Поэтому-то история Рима, который построен на семи холмах, так богата междоусобными столкновениями (см.: Косминский 1963: 116–117).

3. Особенности влияния естественных условий, по мысли Бодена, могут быть ослаблены или устранены социальными факторами.

Идеи просветителей. Ж. Ж. Руссо, А. Тюрго, Ш. Монтескье. Мыслители XVII в., будучи заняты поисками общих социальных законов, подобных законам физики и геометрии, не оставили известных теорий о влиянии географической среды³⁴. Зато философы Просвещения во Франции и в других странах, исследуя природу человека, стали обращать больше внимания на роль климата и природы в жизни общества. Этому способствовало также то, что за время Великих географических открытий накопилось огромное количество различных фактов, связанных с таким влиянием. В частности, Ж. Ж. Руссо (1712–1778) развивал теорию естественного человека (дикаря), который живет в гармонии с природой. Философ считал, что цивилизация в дальнейшем пагубно влияет на человеческое общество. Значительное внимание вопросам роли климата, почв, естественных коммуникаций и т. п. уделяли те просветители, которые исследовали исторические этапы развития хозяйства и материального искусства (ремесел), прогресс и другие проблемы. Стоит также вспомнить, что в XVIII в. также появляются теории стадий хозяйственного развития человечества: от охоты и собирательства к пастушескому, от него к земледелию, а от последнего к торговле и промышленности. Особенно следует отметить труды Тюрго (1727–1781), в частности его работу «Размышления о создании и распределении богатств». Тюрго приходит к важному выводу, что исторические формы и масштабы социальной организации обуславливаются господствующими способами добывания средств существования. Охотники и собиратели живут небольшими группами, так как им требуется большая территория. Пастушеские народы, имея более постоянный источник питания, имеют более многочисленное население, чем охотники, и более высокий уровень развития общества. Земледелие дает возможность прокормить еще большее население, в результате чего появляются города и ремесла. И т. д. Но при этом Тюрго, отмечая определенное влияние естественно-географических условий на развитие общества, не разделял взгляды о решающем их влиянии.

Наиболее известное исследование связи географического и социально-политического факторов, по сути **теорию географического детерминизма**, дал **Шарль Монтескье** (1689–1755) в сочинении «О духе законов».

Важнейшая идея Монтескье – **природные факторы определяют форму правления и законы**. В перечень важных факторов, формирующих характер народа и государства, у него входят климат, почвы, ландшафт, размер территории и др. Жаркий климат и высокое плодородие почв, по мнению Монтескье, способствуют развитию лени, что, в свою очередь, приводит к формированию деспотизма как формы правления. Непогодная же почва и умеренный климат формируют стремление к свободе. Монтескье прав, указывая на некоторые очевидные взаимосвязи и соотношения (корреляции), например, между размерами общества и формой правления. В самом деле, республика скорее сложится на небольшой территории, а деспотия – на большой, чем наоборот. Но формы правления меняются быстрее, чем природные условия (в XIX в. республики складываются и в крупных государствах), а значит, теория требует изменения. Идеи Монтескье активно обсуждались и критиковались, а поднятая им проблема развивалась в работах некоторых философов.

Основной недостаток теории Монтескье. Блестящая форма изложения Монтескье и его широкая эрудиция обеспечили большой интерес к его идеям. Однако недостаток исторических фактов, равно как и свойственное просветителям нигилистическое отношение к ним, показали ограниченность возможностей использования метода Монтескье. Основной недостаток Монтескье (как и его предшественников, и некоторых более позд-

³⁴ Среди тех, кто работал в этом направлении, можно упомянуть Ф. Бэкона (1561–1626), У. Темпля (1628–1699), Б. де Фонтенеля (1657–1757), Ж. Б. Дюбо (1670–1742).

них приверженцев идеи географического фактора) заключался в попытках найти прямые (и инвариантные) формы воздействия природы (климата, территории) на общество и людей.

Для преодоления этого недостатка необходимо было увидеть те механизмы, через которые природа оказывала влияние на общественные институты: как при достижении более высокого уровня материальной жизни и производства снимались прежние ограничения и начинали оказывать влияние новые аспекты географического фактора, а также как устанавливались новые системные взаимоотношения между географической средой и обществом.

А. Барнав. В известной мере в этом направлении продвинулся А. Барнав (1761–1793). Однако, к сожалению, его идеи остались современникам неизвестными. Барнав развивал, говоря сегодняшним языком, теорию факторов исторического развития. Он искал причины, которые находятся в определенной взаимосвязи между собой, но действуют и взаимодействуют неодинаково. Как и Монтескье, он считал, что первейшим среди таких факторов является географическая среда. Однако он сделал шаг вперед, поскольку в отличие от Монтескье полагал, что влияние географической среды на жизнь людей проявляется главным образом не через психику, а через их хозяйственную деятельность, определяя конкретные материальные условия этой деятельности и направления общественного развития. Он отмечает, что географическая среда может ускорить или замедлить переход общества на новый уровень развития³⁵. По определению Илюшечкина (1996), воззрения А. Барнава можно назвать географическо-экономическим материализмом.

Географический фактор в ряду других факторов исторического процесса. В XIX в. от поиска неизменных основ природы человека историки и философы перешли к поиску исторических корней современных им явлений, причин, способствующих органическому (и системному) развитию общества. Среди различных факторов («дух народа», развитие права, классовая борьба, экономическое и демографическое развитие, великие личности) занял заметное место и **географический фактор**. Одна из главных задач заключалась в том, чтобы объяснить, почему при одних и тех же природных условиях разные народы (равно как и один и тот же народ в разные эпохи) демонстрируют разные успехи и общественные формы.

Географический детерминизм. Историко-географическая школа в Германии внесла большой вклад в анализ роли географической среды, но в ней преобладал *географический детерминизм, то есть стремление объяснять все особенности общества его географией*.

Карл Риттер (1779–1859) – один из основоположников современной географии – был крупнейшим представителем историко-географической школы. В своей важнейшей работе «Землеведение в отношении к природе и к истории людей, или Всеобщая сравнительная география» он рассматривает проблему влияния географических условий на историю человечества. Сила Риттера заключалась в том, что он был профессиональным географом, блестяще знающим особенности каждого района Земли, слабость – в том, что он был недостаточно знаком с историей.

Основные идеи:

1. Предустановленная гармония между природой и населяющим данную местность народом. Согласно Риттеру, географические особенности определенной местно-

---

³⁵ По его мнению, географическая среда оказывает на хозяйственный и политический строй общества пассивное и в определенной мере косвенное влияние, тогда как господствующий вид хозяйственной деятельности прямо и активно определяет способ распределения общественного богатства.

сти точно совпадают в своем влиянии на человека с особенностями того народа, который должен населять данную область. Иными словами, каждый народ развивается согласно божественному предначертанию. Здесь Риттер уловил то обстоятельство, что при длительном проживании на определенной территории люди очень тесно приспосабливаются к природе, в частности воспитывают и культивируют те качества характера, которые наилучшим образом подходят к окружающей среде. Но, конечно, речь должна идти не о предустановленной гармонии, а об адаптации, которая всегда – и в животном, и в человеческом мире – поражает своим соответствием.

2. Уникальность каждого народа зависит от особенностей географической среды, где он обитает. Вследствие разнообразия географической среды у каждого народа возникают определенные, ему одному присущие черты, образ жизни и учреждения.

3. Необходимость медленных изменений. Поскольку географическая среда изменяется чрезвычайно медленно, то история народов определяется одними и теми же основными факторами. Медленность и постепенность изменений в географической обстановке, по мнению Риттера, должны служить основой для медленности и постепенности исторического развития.

4. Идея тесного взаимодействия природы и культуры, взаимосвязанности всех элементов, формирующих исторически конкретную географическую область.

Достоинства. Если предшественники в этой области (Боден, Монтестье и др.) весьма примитивно рассматривали прямое влияние климата и рельефа (жары или холода, горной или равнинной местности) на характер того или иного народа, то Риттер анализирует всю совокупность географических условий и чаще говорит о скрытом или косвенном, чем о прямом влиянии. Такой взгляд был, несомненно, важным шагом вперед. Его подходам были свойственны опора на многочисленные факты, системность в исследовании тех или иных отдельных аспектов.

Недостатки. Риттер стремился обнаружить постоянные, неизменяемые факторы, которые доказывали бы необходимость избегать каких-либо серьезных изменений в обществе, что было вообще характерно для исторической школы в Германии. Если Землю Риттер рассматривал как единый организм, то вместо единого человечества видел отдельные народы, уникальность которых предопределена особенностями географии местности их обитания. К существенным недостаткам относится стремление опираться в объяснениях на мистические идеи.

Теорию, больше отвечающую реалиям, предложил Л. И. Мечников (см. ниже).

Генри Бокль (1821–1862) всю жизнь готовился написать историю мировой цивилизации. Но успел написать только два тома «Истории цивилизации в Англии». Он намечает проблемы влияния на организацию общества и характеры людей таких факторов, как климат, пища, почва и др. Подобно просветителям XVIII в. и представителям географической школы, Бокль стремился так или иначе связать географическую среду с нравами, религией, законодательством, формами государственного устройства.

Но у него есть и **новые идеи**, которые обеспечили долгую жизнь его труду и были развиты, в частности, Л. И. Мечниковым и Ф. Ратцелем:

1. Богатство как результат взаимодействия природы и общества. Бокль сделал шаг вперед к тому, чтобы найти механизмы косвенного влияния географической среды на социальную жизнь общества. Согласно Боклю, «плодородие почв» определяет возможность накопления богатства в обществе (под богатством он фактически имеет в виду объем произведенного продукта). Накопление богатства – во многих отношениях самое важное последствие природного влияния, так как оно определяет возможности роста населения, обмена, формы собственности и распределения в обществе, разделения труда, роста знания, что в конечном счете ведет к развитию цивилизации.

2. Бокль уже начинает видеть, что **степень влияния географической среды не постоянна, а зависит от уровня развития общества**. В частности, он отмечает, что у менее цивилизованных народов приращение «богатства» идет главным образом от внешних природных сил («плодородия почвы»), а у более цивилизованных – от рациональной деятельности, ведущей к накоплению знаний. Первое приращение имеет предел, у второго такой предел отсутствует, что снимает ограничения на дальнейшее ускоренное развитие.

3. **Неравномерность развития обществ**. Разницей в богатстве, населенности и культуре, проистекающей от плодородия почв и географических особенностей, Бокль вполне логично объясняет некоторые причины неравномерности развития цивилизаций.

Лев Ильич Мечников (1838–1888) в своей работе «Цивилизация и великие исторические реки», как и его единомышленник Э. Реклю (1830–1905), старался а) уйти от того, что они называли географическим фатализмом, и б) выявить такие формы взаимодействия природы и общества, которые объясняли бы поступательный ход развития человечества.

Философско-историческая концепция Мечникова: человечество проходит в своем развитии следующие стадии, связанные с его отношением к важнейшему аспекту географической среды – водному: сначала люди переходят к освоению великих рек, ирригационному хозяйству; затем речной период сменяется морским, но люди осваивают только внутренние (средиземные) моря. Третий период – океанический – начинается с периода Великих географических открытий. Хотя такая картина и не отражает разнообразия бытия человеческих обществ, но в ней уловлена одна из наиболее важных линий исторического процесса.

Новые подходы Мечникова:

1. **Привлечение внимания к исследованию недостаточно изученного аспекта географической среды** – крупных рек, на берегах которых возникли первые цивилизации.

2. **Теория исторического процесса строится на базе не неизменной, а изменяющейся роли географической среды**. Историческая ценность природных условий меняется в течение веков и на разных ступенях цивилизации. Человек постепенно освобождается от абсолютной власти среды, а с другой стороны, по мере развития начинают использоваться многие природные условия, до того бесполезные или даже вредные.

3. **Географическая среда как катализатор или тормоз развития**. Мечников развил важную идею о том, что природный фактор способен колоссально замедлять или ускорять развитие.

4. **Способ взаимодействия между средой и обществом может быть разным**. По мнению Л. И. Мечникова, характер цивилизации зависит от той формы приспособления к условиям окружающей среды, какую выработал данный народ.

5. **Географическая среда оказывает прежде всего опосредованное влияние «через труд и характер приспособления к природе»**.

Недостатками подхода Мечникова, впрочем, вполне извинительными, были: а) преувеличение роли кооперации в процессе овладения природной средой и недоучет важности завоеваний и конфликтов; б) недопонимание того, что для перехода к цивилизациям требовались особые природные условия, без которых ни труд, ни кооперация не могли дать эффекта; в) неучет того, что в доиндустриальных обществах окружающая среда нередко ставила абсолютные преграды для развития множества народов.

Марксистская школа не внесла слишком большого вклада в развитие теории географической среды (можно выделить только Г. В. Плеханова). Марксисты признавали значение природной среды, но считали, что ее роль заключается только в том, что она может затормозить или ускорить развитие общества. Фактически это преуменьшало роль географической среды для доиндустриальных обществ (для которых природная среда

выступала как формообразующая сила). Однако Маркс внес существенный вклад в развитие вопроса о влиянии природы на форму общества и общественные отношения. Он указал важнейший канал их взаимодействия через включение части природной среды (**предмета труда**) в состав производительных сил (в которые входят также средства/орудия труда). **Предмет труда** – это те природные объекты, на которые направлен труд (обрабатываемая почва, месторождения, эксплуатируемые леса и т. п.). К сожалению, в указанном аспекте эта идея до последнего времени не развивалась, а в 1960-е – 1970-е гг. ряд марксистских ученых даже выступали с предложением не считать предмет труда частью производительных сил, поскольку это якобы ведет к уступкам географическому детерминизму.

Влияние географических теорий на развитие исторической науки в XIX в. Общие идеи, которые имели место в развитии историографии в течение всего XIX в., были связаны со стремлением: а) ввести в оборот наибольшее количество фактов и найти способы их проверки; б) сосредоточиться прежде всего на национальных историях; в) найти ключевые аспекты теории, которые помогли бы объяснить особенности национальной истории (национального духа), современного состояния общества и его институтов. Поэтому многие историки отводили анализу роли природной среды большое место. В частности, русские историки (А. П. Щапов, С. М. Соловьев, В. О. Ключевский и др.) анализировали проблемы изменения менталитета русского народа в связи с переселением из степной зоны в лесную в XII–XIV вв., развивали концепцию борьбы «леса» (то есть русских земель) и «степи» (кочевников) и влияния этих факторов на всю отечественную историю.

Изменение направления исследования в последней трети XIX – начале XX в.

В этот период произошли большие изменения в методах и подходах философии, этнографии, истории и других общественных дисциплин, в том числе в связи с большими успехами естественных наук. Среди наиболее важных моментов отметим **рост успехов биологии и распространение метода сравнения общества по аналогии с биологическим организмом**. Одним из первых применил такой метод выдающийся английский философ и социолог **Генри Спенсер** (1820–1903). Стало ясно, что общество как организм в первую очередь постоянно приспосабливается к окружающей среде и ее изменениям, и это внешнее воздействие заставляет общество эволюционировать и меняться. Вместе с работами Г. Спенсера, но особенно с «Происхождением видов путем естественного отбора» Ч. Дарвина появилась и идея «естественного» отбора как фактора социальной эволюции. Она заключалась в том, что в процессе адаптации к природным условиям и в результате борьбы за ресурсы и т. п. выживают наиболее приспособленные общества, а неприспособленные уничтожаются или погибают. В результате происходит не просто отбор способных к развитию форм, но и в целом идет социальный прогресс. Во многом – особенно для ранних периодов истории – это является верным и помогает объяснить как причины, так и направления социального развития. Однако идеи выживания наиболее приспособленных стали неправомерно переноситься на современную борьбу классов и государств (возник так называемый социал-дарвинизм, который использовался для оправдания неравноправия народов и рас, а также социальной эксплуатации). Идеи естественного отбора среди государств и аналогии общества (государства) с организмом повлияли на возникновение новой науки – геополитики, в которой также объединились интересные и плодотворные подходы с реакционными выводами.

Ратцель и начало геополитики. Немецкий ученый **Фридрих Ратцель** (1844–1904) был одним из основателей политической географии. Он продолжал развивать идеи географической школы о влиянии среды на формы и особенности социально-политической организации. По его небезосновательному мнению, например, естественные границы (горы, море) способствуют появлению изолированных социальных групп со слаборазви-

той политической властью, а равнины – централизации и сильной власти для защиты от набегов кочевников, позднее переходящей в крупную социально и культурно интегрированную государственную организацию.

Основные идеи Ратцеля:

1. **Рассмотрение государств как социальных организмов**, которые действуют в условиях отбора. Выживание государств (наций или культур) связано с их способностью к экспансии и улучшению своего географического положения. Рост государств способствует дифференциации мира на сильные (жизнеспособные) и слабые страны.

2. Новаторским был **анализ проблемы пространственного расположения государств и влияния географического положения на политический статус государства**.

3. **Рассмотрение границ как периферийных органов государства**. Ратцель исследовал географические переходные зоны, где встречаются суша и море, и выявил их влияние на образование и строение государств.

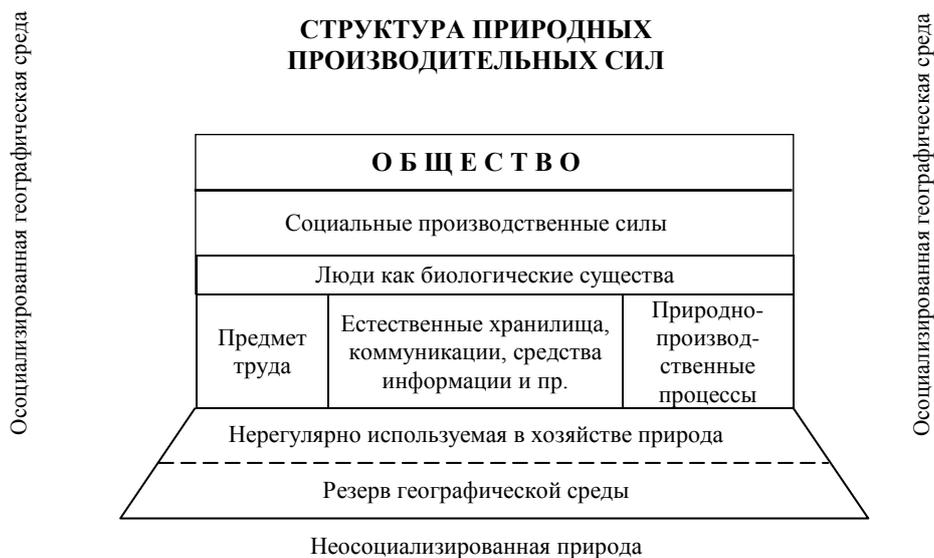
Недостатки. Увлечение методом аналогии неизбежно приводило к натяжкам и биологизаторским спекуляциям, особенно при объяснении пространственного расширения или уменьшения государств. Труды Ратцеля заложили основы новой науки – геополитики (в числе классиков которой можно упомянуть Р. Челлена, К. Витфогеля, К. Хаусхофера, Х. Маккиндера и др.).

Современные исследования (XX – начало XXI в.)

Вызов природы и ответ общества. Арнольд Тойнби (1889–1975) – один из самых известных философов истории XX в. – прославился своей теорией цивилизаций, изложенной в 12-томном труде «Постижение истории». Тойнби не занимался специально проблемами анализа географического фактора, но у него есть методологические подходы, которые могут быть полезными и для данной проблемы. В частности, это относится к его идее, формулируемой кратко «вызов – ответ». Перед обществом время от времени встают сложные проблемы («вызов»), которые нужно так или иначе решить (дать «ответ»). От характера ответа часто зависит вся будущая судьба общества (народа, цивилизации). Но характер ответа не предопределен, он во многом зависит от особенностей общества и порой от особенностей конкретного момента.

Карл Витфогель (1896–1988) прославился книгой «Восточный деспотизм» (Wittfogel 1957). В этой работе Витфогель приходит к выводу, что хозяйственно-географические условия древних ирригационных обществ (Египта, Вавилона, Китая, Индии, Мексики, Перу) определили развитие в них деспотизма. Последний вытекал из необходимости организации больших масс людей для ирригационных работ (строительство плотин, дамб, каналов и т. п.) и получения высоких урожаев.

Исследование системы «общество – природа» и каналов взаимодействия между ними. В отечественной науке в 1970–1980-е гг. появились идеи о включении части географической среды в состав производительных сил. Позже они были развиты в более цельную теорию, базирующуюся на понятии **природно-производственная основа общества** (см. подробнее: Гринин 1997: 42–78; 2006: 21–26). Дело в том, что в структуре производства доиндустриальных обществ большую роль играли природные элементы (например, энергетические источники: огонь, солнечное тепло, энергия ветра, – и естественные коммуникации: реки, моря), которые составляют как бы «нижний этаж» производительных сил, или их природный уровень (см. схему 2).

Рис. 5.2. Структура природных производительных сил

Такой подход позволяет лучше учитывать возможности доиндустриальных обществ (которые нередко принижают) и проводить сравнения обществ прошлого и настоящего. Например, сколько миллионов тонн удобрений заменял египтянам ил великого Нила? Ведь чтобы собирать такие урожаи сегодня в Европе, нужны колоссальные затраты. А кто считал «миллионы тонн топлива», которые экономил ветер в парусах и на мельницах? С другой стороны, чем скуднее природа, тем сильнее должна быть развита технико-технологическая часть производительных сил, чтобы компенсировать эту скудость.

Направления исследований в XX в. (указаны только некоторые):

1. **Глобальные прогнозы, связанные с анализом дефицита природных ресурсов и глобальных проблем.** Наиболее известными являются доклады Римскому клубу в 1960–1980-х гг., посвященные пределам экстенсивного роста человечества в связи с ограниченностью ресурсов (Д. Х. Медоуз, Д. Л. Медоуз, Э. Пестель, М. Месарович и др.)³⁶ В целом общую идею можно выразить словами А. Печчеи: «Человек... вообразил себя безраздельным господином Земли и тут же принялся ее эксплуатировать, пренебрегая тем, что ее размеры и физические ресурсы вполне конечны» (Печчеи 1985: 295).

2. **Попытки найти новые аспекты прямого воздействия природы на общество** не имели успеха. Наиболее известными в этом плане являются теории физика А. Л. Чижевского (1897–1964), который связывал подъем социальной активности и катаклизмы (войны, революции, эпидемии) с 11-летними пиками солнечной активности, и историка Л. Н. Гумилева (1912–1992), предположившего, что рождение и активность этносов (народов) в определенном месте и в определенное время связаны с действием неясной природы космического фактора, влияющего на возникновение особой социально-психологической энергии (*пассионарность*). Эта гипотеза не несет в себе нужного эври-

³⁶ См., например: Печчеи 1984; 1985; Тинберген 1980; Пестель 1988; Медоуз и др. 1999. По образному выражению Д. Белла, мы dorocли до нового словаря, ключевым понятием в котором будет предел (limit). Пределы роста, расхищения окружающей среды, вмешательства в живую природу, предел вооружения и т. д. (Bell 1979: XXIX).

стического начала, однако общая идея Гумилева о том, что характер этносов (особенно в доиндустриальный период) очень тесно связан с особенностями климата и ландшафта территории, где он появился и жил, не лишена оснований. Определенное подтверждение получила и гипотеза А.Л. Чижевского о влиянии солнечной активности на социально-политические процессы в человеческих обществах (см., например: Коротаев, Билюга, Малков и др. 2016; Коротаев, Билюга, Осипов и др. 2016; Коротаев, Гринин и др. 2017; Малков и др. 2017).

3. Исследования трансформаций обществ в связи с изменением природных условий, в том числе различные реакции обществ (например, кочевых) на усыхание и увлажнение степей; земледельческих цивилизаций – на похолодание и потепление, первобытных обществ – на изменение флоры и фауны в результате оледенений и потеплений.

4. Исследование динамики изменения климата и других природных аспектов (почв, морей, побережий и т. п.) на больших временных периодах; а также влияния на общества катастроф и других негативных факторов (например, эпидемий). Двумя очень известными работами этого направления являются «История климата с 1000 года» Э. Ле Руа Ладюри (1971) и «Эпидемии и народы» У. Макнила (McNeill 1993). В этом, а также и ряде иных аспектов можно отметить направление так называемой социоестественной истории, целью которой является анализ общества в неразрывной его связи с различными природными факторами (см., например: Кульпин 1990, 1992, 1995, 2016; Кульпин, Пантин 1993; см. также, например: Гринин 2006; Коротаев, Клименко, Прусаков 2007; Клименко 2009).

5. Исследование роли природного фактора в процессе эпохальных эволюционных изменений, например аграрной революции (Г. Чайлд, Дж. Мелларт, В. А. Шнирельман), происхождения государств (Р. Карнейро) и т. д.

6. Влияние природного фактора на особенности формирования и развития различных цивилизаций, а также восточного и западного путей развития мировой истории.

7. Связь природных условий с демографическими процессами.

Существует и еще целый ряд направлений исследования истории взаимодействия общества и природной среды. Однако, несмотря на это, данная проблема пока изучена недостаточно.